

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

ВЗЛЁТ
РАЗРЕШАЮ!

Боевая фантастика (АСТ)

Юрий Корчевский

Взлет разрешаю!

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Корчевский Ю. Г.

Взлет разрешаю! / Ю. Г. Корчевский — «Издательство АСТ»,
2021 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-134492-4

Павел Игнатов волею судьбы попал из нашей современности в 1938 год. Закончил авиаучилище и воевать начал с первых дней войны. Опыта нет, только прибыл в полк после учебы. Да еще и самолет морально устаревший – СБ. Был сбит, ухитрился выжить и к своим вернуться. После ранения перегонял бомбардировщики на трассе АлСиб, ленд-лизские «дугласы». Потом и воевал на таком, в варианте торпедоносца на Балтике. Потери среди летчиков полка больше, чем среди штурмовиков или истребителей. А как закончилась война, сразу демобилизовали. Как же – на временно оккупированной территории находился. И на гражданке не пропал, в Якутии пассажиров и грузы возил.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134492-4

© Корчевский Ю. Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1. Утрата иллюзий	6
Глава 2. Первая награда	19
Глава 3. Подмосковье	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Григорьевич Корчевский

Взлет разрешаю!

© Юрий Корчевский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1. Утрата иллюзий

Сбылась мечта Павла. Позади экзамены, в том числе по физподготовке, на которой срезались многие. И вот он уже зачислен курсантом в военное летное училище. Схлынуло напряжение и волнение приемных недель, впервые спал спокойно и безмятежно. Утром всех разбудил крик дневального:

– Рота! Подъем!

Вскочил, как и все, бегом в туалет и умывальник. Но что-то вокруг изменилось. Мебель допотопная и стоит не так, а на дневальном форма устаревшая, какую в кино видел. Гимнастерка без погон, петлицы. А больше всего поразило знамя и часовой возле него в конце коридора. Знамя красное, с серпом и молотом, а часовой с винтовкой-трехлинейкой. Настоящий шок испытал на построении, когда командир объявил развод на хозяйственные работы и дату. Павлу показалось – ослышался. Но все курсанты стоят со спокойными лицами. Хотелось переспросить, но дождался окончания и команды «Разойдись!». Поинтересовался у соседа:

– Какое сегодня число?

– Шестнадцатое июля.

– А год?

Парень засмеялся.

– Перегрелся на экзаменах? Тридцать восьмой! Как и вчера.

Павел попал на хозяйственные работы – красить забор. Там перезнакомился со своим учебным взводом. Думал, что попозже разберется, что произошло? Год в самом деле оказался тридцать восьмым и сотовых телефонов нет, как и телевизоров. Но было главное – самолеты. И если нет возможности выбирать время, в котором живешь, его надо принять как данность. Даже интересно было. Страна пела и он пел.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор!

У курсантов форма красивая, темно-синяя, петлицы голубые. В первый же выходной, через месяц после принятия присяги, когда получил увольнительную, сразу в город, к фотографу. Себе на память в альбом, как делали многие. И девушке бы послал, если б была. Парни с курса постарше сказали, что познакомиться не проблема. И познакомиться хотят, и замуж выйти. За красного командира – это почетно, престижно. Курсанты в хорошей физической форме, а у командиров и жалованье приличное, и перспективы роста.

Учился не за страх, а за совесть. Курсанты вечером в клуб, кино смотреть с Любовью Орловой в главной роли, а он в класс либо на тренажер. Командиры и инструкторы примечали настойчивость Павла, жажду знаний. Два года пролетели быстро, и вот уже выпускной вечер, первое звание и кубик в петлицу.

После тридцать девятого года, освобождения Западной Украины и Белоруссии, согласно договору с Германией, границы СССР передвинулись на сто-двести-триста километров. Соответственно и воинские части передислоцировались ближе к границе. Однако промашка вышла. Укрепрайон по старой границе разорили – сняли вооружение, вывезли запасы боеприпасов и продовольствия. А новый укрепрайон создать не успели. Да и не торопились особо. Ведь сам товарищ Сталин сказал, что воевать будем на чужой территории и малой кровью.

«Если завтра в поход, если черная сила нагрянет...» Шашки наголо и вперед, красные кавалеристы! Даже перед самым началом войны кавалерия в Красной армии считалась совре-

менным родом войск, хотя в Германии в фаворе танковые и механизированные войска и тактика другая.

Авиаполк, в который прибыл служить Павел, располагался под Минском. В полку бомбардировщики СБ нескольких модификаций. Самолет в авиаполках пользовался уважением. Как же, в вой не в Испании всего два года назад эти бомбардировщики вылетали на боевые задания без истребительного прикрытия, потому как легко уходили от немецких «хейнкелей» или «испано-сюиз». Однако немцы сделали выводы и выпустили «Мессершмитты-109». Хорошо проявили себя «худые», но война закончилась.

Вилли Мессершмитт выводы сделал из отчетов летчиков, стал усовершенствовать истребитель. В туполевском бюро ограничились установкой двигателей немного большей мощности. Павлу повезло, он получил самую новую модификацию, СБ-2М, с двумя двигателями по 1050 л. с., с верхней стрелковой турелью МВ-2, где был установлен пулемет ШКАС. Калибр винтовочный, но скорострельность высокая. Однако оказалось – ненадежен пулемет и масса секундного залпа мала, потому сбить самолет противника затруднительно. А только выяснилось это уже при боевых вылетах.

Самолет свой, первый в летной карьере, Павел любил. Когда проводил предполетный осмотр, поглаживал детали, разговаривал как с живым. На недостатки внимания не обращал. Кабина тесная, в комбинезоне меховом не развернешься? Так и на солнце пятна есть. Значит – конструкторам есть над чем работать. Зато обшивка гладкая, не гофрированная, как на ТБ-3 или ТБ-7 этого же конструкторского бюро, Анатолия Николаевича Туполева. Все ступени новичка Павел прошел – вывозные полеты, полеты на учебном СБ, единственном в полку, потом на слетанность эскадрилей и звеном. Гордость брала, когда видел перед собой в воздухе всю эскадрилью, все девять бомбардировщиков. Силища!

После выпуска из училища всего месяц минул. В газетах писали – войны с Германией не будет, подписан Пакт о ненападении. Да и то верно, кто же будет везти стратегические товары – пшеницу, лес, сталь вероятному противнику? А то, что такие составы идут через границу, через Брест, Павел видел сам во время полетов. Вот что не нравилось, так это полеты немецких самолетов над нашей территорией. В неделю раз-два случались, на самолетах военно-транспортных, вроде Ю-52 или пассажирских, но без пассажиров. Стрелять по нарушителям было категорически запрещено, нельзя провоцировать немецких друзей. Периодически принудительно сажали с помощью истребителей. Немецкие пилоты заявляли, что заблудились. При этом морды нагло-заносчивые, понятно, что врут. Ясно было – ведут разведку приграничных районов.

Наши летчики понимали, что такие полеты совершаются с целью разведки и рекогносцировки перед наступлением.

Немецкие самолеты и летчиков приходилось возвращать в присутствии немецкого военного атташе.

Суббота 21 июня 1941 года выдалась погожим днем. В городском доме культуры танцы. И военнослужащие готовились – гладили форму, до зеркального блеска чистили сапоги, брились до синевы. И девушки прихорашивались. У большинства туфли парусиновые, белые. Их чистили зубным порошком. Кудри завивали, чтобы прическа, как у Любови Орловой, киноактрисы тех лет. Как раз вышли фильмы «Свинарка и пастух», «Волга-Волга».

Танцы длились до полуночи, потом оркестр перестал играть и ушел. Перезнакомившиеся пары разошлись по улицам, прошли в рощу и к берегу речушки.

В три часа пятнадцать минут небо наполнилось гулом моторов. Самолетов в ночном небе еще не видно, но по звуку – немецкие. На их двигателях стояли турбины для наддува, и звук был характерный. Павел еще удивился, почему самолетов так много? А потом в стороне расположения авиаполка послышались взрывы, показалось пламя. Летчики, техники и прочий пер-

сонал полка побежали к аэродрому. Там творится ад кромешный. Горят несколько самолетов, горят ангары, горят и взрываются склады. Самое обидное – самолеты стоят, как на параде, в линейку, без всякой маскировки. И ни одна зенитка не открыла огонь. Был приказ Сталина – огнем на провокации не отвечать!

Вражеские самолеты улетели. Единственная пожарная машина и пожарный расчет пытались тушить очаги пожара.

Летчики прибежали в штаб полка. Ни командир, ни комиссар приказов не получали, были в растерянности, пытались безуспешно дозвониться до штаба округа. Радиосвязи не было, а проводная уже была перерезана группами диверсантов. В первый год войны они создавали много проблем – резали провода связи, убивали командиров, устраивали поджоги, поднимали панику. Кричали «Танки! Немцы окружают!»

Провокаторам верили, потому как одеты были в советскую форму. А это были солдаты батальона «Бранденбург-800», диверсионного подразделения Абвера, знающие русский язык на уровне родного.

Только к полудню в штаб полка примчался мотоциклист с пакетом. В документе был приказ на вылет и указаны цели. Да уже и так было понятно – война! На западе было слышно громыхание, как далекий гром. Это били пушки. Их звук был слышен за два десятка километров. Третья часть самолетов полка были повреждены или уничтожены при бомбардировке. Экипажам самолетов, которые уцелели, раздали полетные карты с указанием целей. Весь полк должен был нанести бомбовый удар по шоссе Минск – Брест. Оружейники подвесили бомбы, топливозаправщики залили полные баки бензина. У экипажей настрой боевой. Сейчас дадут немцам жару, будут бежать! Красная армия всех сильнее! Японцы под Халхин-Голом и у озера Хасан получили отпор, притихли.

Взлетали поодиночке, один за одним, над аэродромом выстраивались в круг, собирались поэскадрильно. При взгляде на десятки бомбардировщиков Павла распирала гордость. Полк, в неполном составе, без истребительного прикрытия, направился курсом двести семьдесят, на запад. Впереди виднелись многочисленные дымы. Высота две тысячи метров. Стали видны войска на бульжном шоссе. Танки, машины, тягачи.

Командир снизился, желая разглядеть – немцы на дороге или свои? Нанести бомбовый удар по своим, что может быть хуже? Снизу, от машин, к СБ потянулись огненные трассы. Самолет мгновенно вспыхнул. Из него никто не успел выпрыгнуть с парашютом. Бомбардировщик взорвался, превратившись в огненный шар. Видимо, огонь добрался до бомбоотсека. На всех самолетах стояли радиостанции «Двина». Оставшийся за командира главный штурман полка отдал приказ:

– Бомбить с высоты тысяча метров и сразу возвращаться на свой аэродром! Делай, как я!

Самолет штурмана полка заложил вираж со снижением, высыпал бомбы. Внизу вспыхнули разрывы. Второй самолет заложил вираж. В это время стрелок по внутренней связи докладывает Павлу:

– Командир, вижу неопознанные самолеты!

Павел головой крутить стал. Ага, две четверки, довольно быстро приближаются. Очертания непривычные. У наших И-16 капот мотора большой из-за двигателя воздушного охлаждения. А эти какие-то узкие, худые, как голодные шуки. Сейчас надо избавиться от бомб, с ними самолет неповоротлив, а еще есть опасность взорваться от случайного попадания пули. Павел не стал ждать, свалил самолет в пике, на высоте тысяча метров перевел СБ в горизонтальный полет прямо над шоссе, забитом техникой. Начал сброс бомб, одну за одной, не пачкой. Обернувшись, с удовлетворением отметил, что взрывы точно ложатся на дороге, среди машин и танков.

С земли к его самолету потянулись огненные трассы. Зенитное прикрытие колонн у немцев всегда было сильным, как оказалось позже.

Бомбы сброшены, бомболоуки закрыты, начал набор высоты. В наушниках крик борт-стрелка:

– Истребители атакуют!

– Не торопись, целься тщательно, как на полигоне.

На полигоне и мишень неподвижна, и пулемет со стрелком. А сейчас в восходящих потоках воздуха и бомбардировщик покачивается и истребители, попробуй – попади! Да что истребителю, у которого летчика спереди защищает бронестекло и мотор, снизу бронированная чаша сиденья, сзади бронеспинка, пули винтовочного калибра? Во время Второй мировой войны большинство самолетов было сбито авиационными и зенитными пушками.

Сзади, со стороны турельной установки, слышались пулеметные очереди. Сначала короткие, потом длинные. Похоже, дело серьезное. Павел обернулся. Оба истребителя висят в ста метрах за хвостом, ведущий открыл огонь. СБ бронирования не имеет.

Первая очередь пришлась по правой плоскости, вторая по турели стрелка. Голова воздушного стрелка исчезла. Убит? Ранен?

Еще очередь, на этот раз пушечная, по левому мотору. Сразу черный дым повалил, но огня не видно. Павел перекрыл бензокран, включил систему пожаротушения. Дым перестал идти. Винт левого мотора остановился, странно было видеть его в полете в неподвижном состоянии.

Павел запросил штурмана:

– Сколько до аэродрома?

– Полсотни пять.

Если второй мотор не повредят, на одном дотянуть можно. Еще очередь из истребителя, на этот раз по хвостовому оперению пришлась, какие-то куски обшивки полетели.

Навстречу промчались два наших «ишака», как летчики называли И-16. В руках опытного пилота они еще могли противостоять «мессерам» модификаций В, Г.

Сразу схватка завязалась. На дорогах внизу не видно никаких воинских частей. Павел удивился. А где линия обороны? Где подходящие из тыла резервы? Понятно, что немцы напали вероломно, без объявления войны. Надо объявить мобилизацию, выдвинуть из ближнего расположения кадровые части – танки, артиллерию, пехоту. Во время полетов он сам видел танковый полк с новейшими Т-34. Не знал в тот момент, что немцы разбомбили танкохранилища.

Танки стоят без солярки и боеприпасов. И, когда немцы подойдут близко, часть танков утащат дальше в тыл тракторами, а часть взорвут. Сказывалась еще неразбериха с топливом. Все танки РККА работали на бензине, только Т-34 и КВ на солярке, а тягачи и трактора на лигроине. К такому разнообразию топлива тыловые службы готовы не были.

Еще подвела картографическая служба, причем вина целиком лежит на Генштабе, на принятой ошибочной доктрине. Провозглашали, что воевать будем малой кровью, на чужой территории. Вот управление военной картографии напечатало карты сопредельных государств и даже дальше, до Ла-Манша. А своих карт остро не хватало, да и лежали они на складах, которые немцы сожгли в первые же дни войны. Красная армия осталась без карт. Как командиру поставить задачи подчиненным, если направление на цель известно приблизительно, как и дальность и естественные препятствия, вроде рек, балок, которыми изобилуют белорусские земли.

Обороты мотора на максимуме, одна тысяча девятьсот в минуту, за мотором от перегрузки тянется сизый дымок выхлопа. Самолет слушается рулей вяло, с запозданием. Штурман командует:

– Влево двадцать и по курсу будет полоса.

Сели, подняв с грунтовой полосы пыль, зарулили на стоянку. Подбежали техник, моторист, оружейник. Первым делом через нижний люк вытащили тело убитого воздушного стрелка. Павел первый раз видел тело убитого человека, причем хорошо знакомого, члена эки-

пажа. Было и страшно и нелепо. Недавно говорили с ним – и вот он убит. Молодой, планы строил на жизнь, должен был демобилизоваться по осени.

Потом с техником начали осмотр самолета. Техник мрачнел с каждой минутой.

– Как вы только долетели? Посмотрите, что осталось от хвостового оперения!

Видимо, туда попал снаряд. От горизонтальных рулей какие-то жалкие клочки.

– Дня два-три на ремонт уйдет, – заявил техник.

Павел со штурманом направились в штаб полка, доложили о вылете, выполнении приказа, об убитом стрелке и повреждении самолета. Ждали, пока сядут на аэродроме другие самолеты, топлива оставалось еще на двадцать минут. Но минуты уходили одна за другой, а сел только один самолет. И перед Павлом еще два приземлились. Итого – в полку четыре самолета, два из которых требуют серьезного ремонта. Ночью Павел не мог уснуть, слишком сильное разочарование. Сталин говорил – войны не будет, а она началась. Доктрина была – на чужой территории, а враг топчет нашу землю. Командиры и комиссары утверждали, что наша техника лучшая, а из полка четыре самолета вернулись. Где тогда наши истребители, которые должны были прикрывать бомбардировщики? Много вопросов, а ответов не находил. Горько было на душе. Неужели товарищ Сталин и командиры – Тимошенко, Ворошилов, Буденный – обманывали армию и народ? Да нет, происходит какая-то чудовищная ошибка. Еще день-два и придет из тылов Красная армия и разгромит врага.

Утром встал с тяжелой головой. На совещании командир полка зачитал телефонограмму из штаба округа.

«Нанести бомбовый удар силами полка по колоннам противника».

Годных к полетам самолетов всего два, еще два в ремонте и приведут их в летное состояние не раньше завтрашнего дня. А экипажей три. У Павла убит бортстрелок, у Акиньшина – штурман. Командир приказал бомбить двумя самолетами, потом смена экипажей. Как и вчера, бомбардировщики вылетели без сопровождения истребителей. Не по Уставу, такие вылеты приводили к потерям.

Павел еще не знал, что вчера, 22 июня, на бомбардировку Кенигсберга в полном составе вылетел полк СБ и ни один не вернулся, все были сбиты. В первый день войны на аэродромах и в воздухе немцами были уничтожены 1811 наших самолетов. Часть летчиков погибли, часть попали в плен и только нескольким удалось пробраться к своим. Пруссия, столицей которой был Кенигсберг, всегда была государством воинственным, нападавшим постоянно на соседей – Русь, Литву. И пройти летчику, да просто бойцу Красной армии, по враждебной территории было очень сложно. Жители, заметив человека в чужой униформе, сразу звонили в полицию или гестапо, по следу пускали собаку с поисковой группой, участь пилота была предрешена.

Самолеты подготовились к вылету, дан старт ракетой с командной вышки и оба бомбардировщика взлетели. Павел засек время. При полете на крейсерской скорости топлива хватало на два с половиной часа. Экипажи двух оставшихся на земле самолетов столпились на КП. Рация там работала на прием, экипажам хотелось узнать обстановку. Через четверть часа последовал первый доклад лейтенанта Воронова.

– В квадрате 16–15 вижу колонну войск противника. Атакую!

И всё. Дальше треск и шорохи эфира. Оба самолета на аэродром не вернулись. Состояние оставшихся экипажей удрученное. Авиаполк истаял за двое неполных суток. Если и дальше так пойдет, немец доберется до Москвы. Думать об этом не хотелось.

Настроение в полку унылое. Обслуживающий персонал – техники, прибористы, мотористы, механики, оружейники, топливозаправщики и прочие – в полном составе, а экипажей всего два, как и самолетов, которые еще в ремонте. Фактически полк небоеспособен. О конкретной ситуации не знает даже штаб авиадивизии. Где немцы, какими силами наступают?

К утру закончили ремонт самолета Павла, и сразу приказ командира полка – вылететь на бомбардировку и разведку. Обычно авиаразведка передовой и ближних тылов врага ведется

истребителями, а дальних тылов бомбардировщиками, причем оснащенными фотоаппаратурой с хорошим разрешением. На самолете Павла фотоаппаратуры нет, фиксация обнаруженных войск немцев лежит на штурмане, он должен отмечать на полетной карте. Бортстрелка дали из другого экипажа. Это плохо, должна быть слётанность, когда члены экипажа понимают друг друга с полуслова.

Взлетели. В бомбоотсеке четыре бомбы по 250 килограммов, нагрузка полная. От быстрого набора высоты начало закладывать уши, становилось прохладно. Кабина не герметичная, из всех щелей дует. Павел головой беспрестанно вертел, стараясь не пропустить появления вражеских истребителей. Штурман командует:

– Десять влево!

Это команда повернуть десять градусов влево. Через пару минут лёта показалось шоссе. Снизились до пятисот метров. Не хотелось бы сбросить бомбы по ошибке на своих. Не свои внизу, чужие. Видны кресты на танках и бронемашинах. А главное – открыли огонь из пулеметов по самолету. Штурвал на себя, набор высоты и одновременный сброс бомб. Облегченный самолет охотнее набирает высоту. А сзади и внизу разрывы бомб, аккурат по самой дороге, виден черный дым. Серый дым, когда горят хлеба на полях или деревянные дома. А черный, когда горит техника.

Не успели набрать даже двух тысяч метров, как в наушниках крик бортстрелка:

– Вижу немецкие истребители!

И сразу звук выстрелов из ШКАСа. Очереди длинные. Павел забеспокоился. Если так жечь патроны, можно в несколько минут остаться без их запаса. Очереди смолкли и сразу несколько разрывов на мотогондоле правого двигателя. Сразу дым повалил и огонь. Обернулся Павел. За хвостом бомбардировщика два истребителя висят.

Сразу сказался один из недостатков СБ – непротектированные бензобаки. Бронебойно-зажигательные пули истребителя продырявили правый крыльевой бензобак, огонь горящего двигателя поджег бензин и за самолетом потянулся огромный огненный факел. Как-то потушить его или сбить пламя возможности не было. Павел по внутренней связи сразу приказал:

– Приказываю покинуть машину!

Почти сразу потянуло сквозняком. Это штурман открыл люк. Павел обернулся назад. Истребители отстали, ясно уже, что бомбардировщику конец. Но что с бортстрелком? Если он ранен, надо немедленно прыгать.

– Михаил! Отзовись! Если слышишь меня, прыгай!

Павел предупредил бортстрелка по внутренней связи. Дальше тянуть нельзя, высота уже метров восемьсот, надо самому покидать самолет. Выпрыгнул, тут же рванул кольцо, легкий хлопок вытяжного парашютика, потом чувствительный удар подвесной системы. Это раскрылся основной купол.

К сожалению, парашюты в те времена были малоуправляемы. Видел болото, куда его несло, тянул за правые стропы, но все равно угодил в край болота. Вода смягчила удар, сверху накрыло куполом. С трудом выбрался на вязкий берег, лежа отцепил подвесную систему, встал. Вокруг редкий лес, почва влажная, сапоги уходят по щиколотку.

Сориентировался по сторонам света – по мху на деревьях, он всегда с северной стороны. По положению солнца, оно сейчас к югу. Да и пошел на восток. Где-то недалеко должен был быть штурман. Его парашют Павел успел заметить. Но надо хотя бы уйти с болота.

На второй день войны, 23 июня, немцы захватили белорусский город Гродно. Войска 3-й армии РККА с боями отходили, сдали Кобрин, Пружаны, Высокое. Зато на участке Луцк – Броды – Ровно наши механизированные корпуса Западного фронта атаковали первую немецкую танковую группу. Сильно потрепали немцев, остановили наступление, но пять советских мехкорпусов были обескровлены, фактически лишились большей части танков. Правда, танки

были уже устаревших конструкций – БТ-5, БТ-7, наследники танка Кристи. Легкие, скоростные, с противопульной броней, с бензиновыми двигателями. Момент важный, ибо в закрытом моторном отсеке пары бензина вспыхивали мгновенно при пробитии бронебойными пулями, или снарядами противотанковых пушек.

Павел точного расположения наших и немецких частей не знал. Да и не было линии фронта в начале войны. Немцы шли вперед по дорогам. Впереди танки, за ними бронетранспортеры с пехотой, машины с пушками на прицепе. И все рвались вперед. Встречая очаги обороны, или обходили, либо уничтожали. Опасаясь окружений и котлов, наши войска тоже отходили. Такая тактика немцев принесла им успех, уже через неделю после начала войны пал Минск. Такую же тактику немцы применяли в Европе, и она приносила отличные результаты. Бронированными колоннами проламывали оборону, в прорыв входила пехота и вперед! За день вермахт продвигался на сто – двести километров, темпы, ранее не виданные.

Павел выбрался на сухую землю. Разулся, вылил болотную воду из сапог. Поколебавшись, разделся донага, отжал белье и комбинезон.

В небе послышался гул моторов. Павел поднял голову. На запад плыли три бомбардировщика ТБ-7. Они устарели еще до начала войны. Тихоходные, с гофрированной обшивкой, неубирающимися шасси, с открытой кабиной пилота. Что огорчило Павла – бомбардировщики шли без прикрытия истребителей. Фактически – обречены! Долго смотрел Павел вверх, пока самолеты не скрылись из вида. Снова пошел на восток. А через полчаса снова гул моторов и треск бортового оружия. Поднял голову – один ТБ-7 возвращается, за ним увиваются два истребителя. Дадут очередь и мимо проскакивают. Какое-то время бомбардировщик шел ровно – не дымил, не видно огня, потом из него стали выпрыгивать фигурки, над ними раскрылись парашюты. И снова «мессеры» делали заход. Едва слышимый треск пушечных очередей, от обшивки гиганта отлетают куски, потом густо повалил черный дым. От самолета отделилась фигура, стала падать. Одна секунда, другая.

– Открывай парашют! – закричал Павел. Как будто пилот мог его услышать.

Все же парашют раскрылся, стал опускаться. По прикидкам, в полукилометре в сторону от Павла. Побежал он к месту приземления. Уже и парашют виден, зацепился за крону высокого дуба. Под ним на стропах болтается пилот.

– Эй! – окликнул его Павел.

А человек не шевелится. Подошел поближе. Лицо пилота в крови, кровь стекает по рукаву комбинезона. Ранен, похоже, серьезно. Надо снять его с дерева. Павел полез на дерево, стал дергать за стропы, срывая их с веток. Сейчас бы пригодился нож, обрезать шелковые стропы. Разорвать их руками нереально. Приходилось забираться выше. Долго мучился, не менее получаса, пока ноги летчика коснулись земли. Потом сам вниз спустился. Хотел растянуть подвесную систему, а летчик уже не дышит, умер. Глаза закрыты, не дышит, и кровь перестала течь. Полез в нагрудный карман, достал документы. А они от крови слиплись. Удостоверение командира, партийный билет, аттестаты. В начале войны вылетали с документами, потом приказ вышел, стали сдавать в штаб полка. Все же хотел снять пилота.

Как-то похоронить надо, на карте отметку сделать. Чтобы не был без вести пропавшим, а геройски погибший в бою. А документы в штаб полка сдать. Усмехнулся. Мыслит так, как будто уже в расположение полка вернулся. До него еще добраться надо, что в условиях войны непросто. Он в лесу, свое местоположение знает приблизительно, где враги, а где свои войска, тоже достоверно неизвестно. Кроме того, не далее как вчера контрразведчик, который по штату в каждом полку есть, предупреждал об активизации националистического подполья, о заброске диверсионных групп в наши тылы. То есть передвигаться с оглядкой надо, осторожно.

Послышался невнятный разговор. Сначала Павел хотел крикнуть, позвать на помощь. Потом решил повременить. Отбежал в сторону, залег за куст бузины в высокой траве. К дереву и парашюту на нем вышли несколько красноармейцев. Павел решил – поисковая группа,

выслана на помощь пилоту. Уже начал подниматься, как замер. Потому что услышал разговор на немецком.

Один боец говорил другому, показывая на тело пилота. Неужели диверсанты? «Красноармеец» обыскал карман летчика, потом достал из кобуры пилота пистолет. Видимо, находка личного оружия их удовлетворила. По советским законам раненый боец или командир, либо погибший, должен быть доставлен с оружием. Вот и надрывалась на поле боя санитарка, вытаскивая на себе бойца, да еще его винтовку. Утрата оружия была воинским преступлением, за этим следовал трибунал и суровое наказание.

Коли у погибшего пилота пистолет в кобуре, стало быть, никто к нему не успел подойти. А что документов нет, так наверняка в штабе остались.

«Красноармейцы» срезали ножом часть строп, стащили с дерева парашют, бросили его.

Сбитых наших летчиков или своих немцы искали по парашютам, хорошо видимым с воздуха. Район приземления давали летчики авиаразведки. Поэтому наши летчики, приземлившись, старались парашют снять с дерева, либо собрать и спрятать, если приземлялись в поле или на луг. Еще лучше, если сели на оккупированной территории, уложить в парашют камни и притопить в ручье или болоте. Болот, рек и ручьев в лесистой Белоруссии было с избытком. Для немцев, имеющих насыщенную техникой армию – плохо. Танкам, тягачам, автомашинам нужны дороги, да просто поля для движения. Приходилось передвигаться по немногочисленным шоссе, что сдерживало темпы.

«Красноармейцы», оживленно переговариваясь, ушли. Павел перевел дух. Без малого не влип. С виду – обычные воины. Форма, трехлинейки, внешне не отличить. А поторопился бы выйти, либо убитый лежал, либо шагал со связанными руками в плен. По понятиям кадрового военного, плен – самое позорное явление. Подумав о нем, Павел вытащил из кобуры револьвер, осмотрел.

Какие-то полки личным оружием имели пистолеты «ТТ», другие – револьверы Нагана. А танкисты имели только револьверы. Было у начальства танковых войск обязательное требование – экипаж должен отстреливаться из личного оружия через специальные отверстия в броне башен. В бою они закрыты броневыми пробками. В эти отверстия ствол револьвера входил, а пистолета – нет. И почему-то никто из начальства не думал, что пока танкист в танке, револьвер или пистолет ему не нужен. У танка есть и пушка, и как минимум два пулемета – курсовой и спаренный с пушкой в башне.

Появлением странных «красноармейцев» Павел был озадачен, удивлен, даже испуган. И испуг этот не боязнь умереть вызван, а обманом. Форма на них наша, советская. Поверишь глазам и обманешься.

Судя по карте, на которую периодически смотрел на привалах, южнее его маршрута должно идти шоссе Брест – Минск. Но кто на шоссе сейчас? Наши или немцы?

Хотелось есть, да нечего было. В одном из ручьев напился, чтобы обмануть желудок. Ближе к вечеру услышал впереди шум моторов. Спешить не стал, перебежал от дерева к дереву, укрываясь. Впереди открытое пространство. Встал за крайним деревом. Артиллеристы развертывают позиции. Ползают тягачи с пушками на прицепе, бойцы роют окопы и капониры. Издали не видно, какого цвета форма – зеленая, как в Красной армии, или серая, как у вермахта.

Начал присматриваться к тягачам. Похожи на «Комсомолец». Были такие артиллерийские тягачи, видел их несколько раз мельком. Пушки с трехсот метров все похоже. Один из тягачей направился в сторону леса, в кузове несколько солдат. Павел приготовил револьвер. Если немцы, даст бой. Тягач при приближении в самом деле оказался советским, как и бойцы. Пилами и топорами они начали валить деревья, очищать от веток. На оборудование позиций бревна нужны. Тут Павел вышел из-за дерева, подошел. Старший в группе посмотрел подозрительно.

– Ваши документы?

Павел предъявил.

– Летчик я, мой самолет сбили, выбираюсь к своим.

– Считай повезло, выбрался.

– А где я?

Павел достал планшет с картой. Старшина ткнул пальцем. Получалось, Павел находился между Ивацевичами и Слонимом. И до Минска, по ориентировочным прикидкам, полторы сотни километров. Если пешком, то пять-шесть дней пути. Павел приуныл. За это время многое может измениться. У немцев техника и продвигаются они быстро, запросто могут обогнать.

Направление удара 3-й танковой группы вермахта было на Слуцк, южнее Минска. Уже на третий день войны немцы вышли к реке Шара, создав угрозу окружения для наших 3-й и 10-й армий. В этот же день состоялась первая массированная бомбардировка Минска.

Бойцы зацепили тросами бревна, поволокли их к позициям. В тягаче с ними и Павел доехал. После проверки документов командир батареи предложил:

– У меня грузовик за боеприпасами в Столбцы. Может подбросить.

– Буду благодарен.

На дорогах полно машин, повозок. Народ массово эвакуировался. К сожалению, смогли не все. Да и как селянину бросить дом, хозяйство? Свиней и кур гнать невозможно, бросить жалко.

Повезло, в Столбцах, на полевом складе, нашлась машина, идущая мимо аэродрома. Добрался и удивился. Охраны нет, как и людей, техники для обслуживания самолетов. Авто-стартеры, топливозаправщики, передвижные компрессорные станции, мастерские – где они? В сердце закрался холодок. Наверняка полк вывели для пополнения, он отстал. По военному времени – как дезертир. Ситуацию спас комиссар, приехавший в опустевший штаб на полуторке за оставшимся имуществом – пищущей машинкой, бумагами.

– О! Игнатов! А мы в дивизию сообщение о вас отправили – не вернулись с боевого вылета.

– Вот он я! Жив и здоров, готов к вылетам. Кстати, забрал я документы сбитого летчика с ТБ-7. Жаль, похоронить не успел.

Павел отдал полковому комиссару документы.

– Как прибудем на место, покажешь на карте место приземления.

– Есть!

– А сейчас помогай!

Втроем – водитель, Павел и комиссар, быстро загрузили машину и покинули аэродром. Павел даже не успел спросить – куда передислоцируются? Да все равно, он теперь не один.

Машина приехала на какую-то железнодорожную станцию. На запасных путях стоял эшелон, куда уже погрузились технари. Из пилотов – один Павел. Как оказалось – полк получил приказ убыть на переформирование и получение новой техники в Казань, где работал авиазавод № 22. С конца 1940 года на нем выпускали фронтовые бомбардировщики ПЕ-2 взамен снятых с производства устаревших СБ. ПЕ-2 был одним из самых тиражируемых бомбардировщиков, всего их было выпущено 11 247 штук всех модификаций. На двух моторах М-105, фактически лицензионной копии французского двигателя «Испано-Сюиза 12», развивал 452 км/час. При экипаже в три человека имел дальность полета 1200 км, мог брать от 600 до 1000 кг бомб, имел протектированные сырой резиной бензобаки, оснащен радиостанцией.

Можно сказать, Павлу повезло. Глубокой ночью к составу подошел паровоз и эшелон поехал. Ночь – лучшее прикрытие от атак вражеских бомбардировщиков. До рассвета эшелон успел покинуть Белоруссию.

Постановлением СНК принято постановление о создании Совинформбюро. И на одной из долгих остановок бойцы уже слушали на перроне сообщение, что Финляндия объявила

войну СССР. Бойцы возмущались, негодовали. Почти все страны по западной границе СССР от севера – Финляндии и до юга – Болгарии, вступили в войну в союзе с Гитлером. И, судя по началу, война будет тяжелой, кровопролитной.

На остановках стояли подолгу и часто. Паровозы бункеровались углем и водой. Бойцы в это время бегали к станционным зданиям за кипятком. Для пассажиров проходящих поездов всегда были на станциях бесплатно холодная и горячая вода.

Из-за стремительности наступления, а немцы уже на четвертый день взяли Воложин, Сморгонь, Вилейку, неготовности руководства, эвакуации многих предприятий не было. В городах бросали банки с деньгами и ценностями, отделы милиции с бланками паспортов, заводы со станками. На Украине ситуация не намного лучше, кое-какое оборудование и станки успели вывезти. Учитывая, что с оккупацией Украины немцами были потеряны многие оборонные заводы, а главное – опытные специалисты, положение складывалось критическое. Во многом из-за просчетов руководства. Нельзя концентрировать тяжелую промышленность (Запорожский металлургический комбинат или Харьковский танковый завод) так близко к границе.

Пока ехали, Павел размышлял. Все, о чем говорили партийные руководители, чем гордились, оказалось ложью. Красная армия несла тяжелые потери и отступала. Взять авиацию. Где истребители? Почему не было прикрытия бомбардировщиков? Почему Красная армия, имея численный перевес в танках, пушках, авиации – отходит? Для оснащения армии денег не жалели. На парадах народ радовался проходу тяжелых танков Т-35, легких БТ-7, пролету больших ТБ-3 и ТБ-7. Где эти армады?

Обман, блеф, или Павел чего-то не знает? И огромная подмога уже идет из глубины страны к западным рубежам и еще день-два и врага остановят? Иллюзии о могуществе страны таяли, как утренний туман. И не один Павел был озадачен, разочарован, недоумевал. Если и обсуждали между собой, то один на один и шепотком. Потому как «стукачи» в любом подразделении были и полковому контрразведчику исправно доносили все, о чем слышали и видели. В памяти военнослужащих еще свежи были воспоминания о массовых репрессиях 1937–1938-х годов, когда почти всех командиров в звании старше майора или посадили в лагерь по диким, надуманным обвинениям, либо расстреляли. С началом войны, с отступлением Красной армии, из лагерей вернули командарма Г. К. Жукова и многих других.

Эшелон хоть и военный, а до Казани добирались больше двух недель. Хотелось помыться, поесть горячей пищи. При авиазаводе казарма, где расположился полк. В 1941 году завод № 22 в Казани смог выпустить 1122 самолета, московский № 39 303 ПЕ-2 и № 125 в Иркутске 144 самолета. Летчики прибывали для формирования из разных полков и дивизий, с разным уровнем подготовки, налета. С бомбардировщиком ПЕ-2, новинкой, никто знаком не был. Для начала, поскольку инструкций и наставлений не было, водили пилотов по цехам, подводили к стапелям, показывали устройство прямо на собираемом самолете. Потом начались рулежки и пробежки по заводскому аэродрому с инструктором. Инструкторами были заводские летчики, они сидели на месте штурмана. Бомбардировщик был хорош, но и недостатки были.

Инструктор, пока прогревали двигатели, предупредил:

– Штурвал крепче держи, при разбеге аппарат в сторону тянет, норовит развернуть. А при посадке скорость высоковата, поэтому к земле подводи плавно, иначе «козлит», стойки шасси сломаешь.

Советы дельные и дать их мог только опытный летчик, который не одну сотню часов на данном типе самолета налетал.

Два ознакомительных полета с инструктором Павел совершил. Не без ошибок, но ничего не сломал. Самолет пикирующий, но бомбардировку с пикирования можно осуществить только при наружной подвеске бомб. Таким способом начали пользоваться только после 1943 года в авиаполку Полбина, который сам освоил этот способ и летчиков своих научил. А до того

все возможности самолета не использовали в полной мере, бомбежки осуществляли с горизонтального полета. При нем точность попадания ниже. Если по станции железнодорожной или аэродрому вражескому не промахнешься, то в корабль или танк в капонире промажешь. У немцев бомбардировка с пикирования применялась массово на бомбардировщиках Ю-87, и бомбили очень точно, попадали в одиночную пушку в капонире или подавляли дот или дзот. А наши пилоты по старинке воевали, потому как не обучали.

В войну приходилось учиться у противника. Даже тактику перенимали у немцев. В Красной армии по Уставу основная тактическая единица в авиации – звено из трех самолетов. Мало-подвижное, особенно с учетом, что почти все истребители начала войны не имели радиосвязи.

А у немцев – пара, два истребителя, ведущий и ведомый. И способы атак разные, результативность выше. И так во всем. Понятно, что немцы воевать начали еще в Испании в 1937 году, сделали выводы, усовершенствовали самолеты, пропустили через Испанию методом ротации большинство пилотов. А в СССР самолеты наши посчитали вполне на уровне, а пилотов, прошедших Испанию – репрессировали, передать боевой опыт было некому.

К любой новой для летчика машине надо привыкнуть, узнать особенности. А для боевой техники еще и вооружение опробовать – отбомбиться на полигоне, пострелять из пулеметов. Пострелять получилось на полигоне, а бомбить – нет. В немалой степени, как понял Павел, из-за боязни начальства, что поднимется паника, дескать – немцы прилетели. А у люфтваффе дальних бомбардировщиков не было. Фюрер делал ставку на войну молниеносную, блицкриг. Для такой войны потребны фронтовые бомбардировщики с небольшим радиусом действия.

Вот и выпускали немецкие авиазаводы Ю-87 и Ю-88, «Хейнкели-111», у всех радиус полета не более тысячи двухсот километров.

За месяц полк укомплектовали до штатной численности. Потом перебазировали на полевой аэродром под Тулу. Самолеты перелетели с одной дозаправкой, а технический персонал и наземная техника – эшелонами. Сводки Совинформбюро, передававшиеся несколько раз в день, слушали обязательно и с напряженным интересом. Но они не радовали. Чаще всего звучало: «Наши войска оставили...» и следовали города, сданные врагу. Радовало даже «На фронтах велись бои местного значения».

Значит – оборонялись наши, стояли насмерть. На Смоленском направлении, а в перспективе на Москву, немцы сосредоточили основные силы. И уже окружили значительную часть наших войск.

Но первого августа 16-я и 20-я армии под командованием К. К. Рокоссовского прорвали фронт окружения, деблокировали окруженных. Однако немцы снова замкнули кольцо и пятого августа разгромили окруженную группировку.

Павел особенно остро воспринимал сводки Совинформбюро, где говорилось о действиях летчиков и нашей авиации. Так, 7 августа летчик Виктор Талалихин совершил ночной таран на подступах к Москве и уничтожил вражеский бомбардировщик. А 8 августа специальная группа первого минно-торпедного полка Балтийского флота под командованием полковника Е. Н. Преображенского, взлетев с острова Сааремаа в составе двенадцати бомбардировщиков ДБ-3, осуществила первую бомбардировку Берлина. Геринг до этого удара хвастливо заявлял, что ни одна бомба не упадет на столицу. На следующий день самолеты восемьдесят первой авиадивизии под командованием легендарного комбрига М. В. Водопьянова повторили налет. Германские газеты напечатали заметки о бомбардировках города англичанами. Никто поверить не мог, что бомбили русские.

Первый вылет на новом для себя самолете Павел совершил под Смоленск. Сначала взлетели бомбардировщики, ближе к линии фронта к ним присоединились истребители, два звена «ишаков». Отбомбиться удалось удачно. На ведущем ПЕ-2 опытный штурман, вывел к цели точно. С ходу нанесли удар по железнодорожной станции, где разгружался эшелон с вражеской техникой. Зенитки немцев вели ожесточенный огонь, но все бомбардировщики вернулись на

аэродром. С повреждениями, но ни один «бомбер» не был сбит. В полку, где за два дня сбиты все СБ, такой вылет настоящая радость. Немецкие истребители не успели появиться. С первого захода сбросили бомбогруз, развернулись и на форсаже к линии фронта. После СБ на «пешке» непривычно. Кабина просторнее, штурман рядом, а не в передней кабине.

Павел сел в числе первых, зарулил на стоянку, заглушил моторы. А потом со страхом смотрел, как приземлялись другие. Не рассчитал пилот вертикальную скорость, резковато подвел к земле, следует удар колесами о взлетно-посадочную полосу. Самолет отскакивает, как мячик, на десяток метров, а скорость уже упала и снова удар о землю. «Козел», но меньшей высоты.

Не каждому дано интуицией уловить ту горизонтальную скорость и вертикальное снижение, при котором самолет удастся точнехонько притереть к земле. И речь не о букве «Т» в начале полосы, а чтобы стойки шасси не подломить. Тогда ремонт и косые взгляды контрразведчика. А не специально ли боевую технику повредил, чтобы не вылетать на бомбежку, не рисковать. В полете всякое бывало. У моторов моторесурс небольшой, сто моточасов до первого ремонта. А если на форсаже дольше трех минут летишь или не уследил, превысил максимальные две тысячи пятьсот оборотов в минуту, моточасы эти быстро тают. И вот уже контрразведчик у мотористов вынюхивает. А что это моторы масло жрут? Некачественная заводская сборка или пилот недоглядел?

Пилоту в полете надо за обстановкой следить – не видно ли вражеских истребителей? А еще держать строй, следить за состоянием моторов. На левой половине приборной доски указатель высоты, вариометр, показывающий вертикальную скорость, указатель забортной температуры, авиагоризонт и прочие атрибуты. На правой половине приборной доски – приборы по обоим двигателям. Указатели температуры масла, охлаждающей жидкости – летом воды, а зимой антифриза, числа оборотов, давление поддува и прочие. Моторов два, и приборы в двойном комплекте. А еще на доске многочисленные сигнальные лампочки. В общем – скучать некогда. На левом борту ручки управления газом обоих моторов, на правом борту – открытия створок бомболюка и сброса бомб – поочередно или всех разом, залпом. А перед пилотом – штурвал и педали.

В полете без острой необходимости рацией не пользовались, немцы за эфиром следили. Как только на советских радиочастотах засекали переговоры, взлетали истребители. Если у наших истребителей четкие приказы, скажем – сопровождать бомбардировщики, то у немцев многое отдавалось на усмотрение пилотов. Опытным ведущим пар позволялась «свободная охота», когда летчики сами искали цель для атаки, определяли ее очередность и важность. Например, в начале войны немецкие пилоты гонялись за нашими летчиками на земле, в колоннах отступающих. А все потому, что в ВВС форма была голубой, демаскирующей. После потерь наших летчиков на земле был издан приказ – летному составу перейти на полевую форму армейскую, цвета хаки, зеленую.

Экипаж у Павла новый. С воздушным стрелком понятно, в двух вылетах оба убиты. А штурмана дали другого. Отношения с ним складывались странные. Во-первых, штурман старше по званию, он капитан. А Павел – командир воздушного судна, экипаж подчиняется ему, но по званию он всего лишь младший лейтенант. Вот такая коллизия! С началом войны из летных училищ по ускоренной программе выпускали летчиков в звании сержантов. И получалось, что командиры подчинялись приказам сержантов. Нонсенс, не должно такого быть! Но уже с зимы 1942/43 годов выпускникам военных училищ стали присваивать первое офицерское звание. До 1943 года офицеров не было, как и погон. Были командиры и петлицы.

Во-вторых, штурман старше по возрасту на десять лет, тоже некий барьер. Павел предпочел бы равного себе по возрасту и званию. Но в армии не выбирают. Правда, плюс таки был.

Штурманом капитан Яковлев был отменным. И к цели выводил даже при полетах в условиях облачности и бомбил очень точно, экономно расходуя боеприпасы. Злые языки погова-

ривали, что Яковлев был до войны штурманом полка, однако водился за ним грешок, любил выпить. А, приняв на грудь, порывался высказать начальству свое мнение. Понизили в должности, а могли и вовсе дело завести и в лучшем случае из ВВС уволить. Да тут война, когда каждый опытный командир на счету.

Павел нашел выход. При людях называл штурмана по званию, а в самолете – по имени-отчеству.

– Сергей Иванович, курс!

Некая дистанция была, отношения ровные.

Сегодняшний вылет был с приказом нанести бомбовый удар по железнодорожному разъезду. По сведениям разведки, на нем разгружался из эшелонов пехотный полк. Стечение обстоятельств удачное. При точном бомбометании можно немцам урон нанести огромный. Когда полк займет позиции – в окопах, траншеях, дотах и дзотах, землянках нанести такие же потери не получится. Несмотря на лето, облачность низкая и морозящий дождь. А стоит набрать три с половиной – четыре тысячи метров, как облака внизу, светит солнце, только легкая болтанка от потоков воздуха. К цели шли по верхней кромке облаков. Стоит появиться вражеским истребителям, штурвал от себя, минус двести метров высоты и вокруг такая облачность, что дальше концов крыльев ничего не видно. Конечно, есть опасность столкнуться с другими бомбардировщиками, но зато «худым» добычи не будет.

К железнодорожному разъезду вышли точно, во многом из-за рельсового пути. Сначала увидели насыпь и рельсы, довернули курс и через пару-тройку минут разъезд. С платформ сгружают грузовики и бронетранспортеры, у пассажирских вагонов солдат полно. Налет советских бомбардировщиков получился неожиданным. Выскочили из-за облаков, один за другим три самолета отбомбились. Бомбы прямо по вагонам попали, потом стрелок рассказывал, у него обзор в стороны и назад хороший.

Немцы даже не успели обстрелять из зенитных автоматов. На пролетах на небольших высотах угловая скорость самолетов велика, расчеты не успевают поворачивать «эрликаны». Были у немцев такие малокалиберные зенитки швейцарского производства. Кстати, закупали эти удачные пушки и другие страны, даже США. Ничего личного, бизнес!

Глава 2. Первая награда

После бомбежки разъезда на место был послан истребитель-разведчик с фотоаппаратурой. Произвел фотосъемку, фото потом смотрело начальство, боевую работу звена ПЕ-2 оценили высоко, экипажи получили благодарность. Награждали в 1941–1942 годах редко, только за заслуги уже вовсе выдающиеся. Верховный главнокомандующий считал, что когда армия отстывает, сдает город за городом, героев и наград не будет, недостойны.

На следующий день сильный дождь. К полудню он прекратился, но взлетно-посадочную полосу развезло. Да и не полоса она, укатанная часть поля. У немцев с этим лучше. На поле укладывались перфорированные железные листы, сцеплявшиеся друг с другом. Вода через отверстия уходила, самолеты могли взлетать и садиться в любую погоду. А нашим летчикам приходилось ждать, пока земля высохнет. Все же ПЕ-2 с бомбовой нагрузкой имел взлетный вес семь с половиной тонн, увязал в грязи по самые ступицы колес. Взлететь нереально, самолет вязнул в грязи, не набирал скорости. В такую непогоду сидели по землянкам. Для комиссаров самое время провести политинформацию о текущем моменте, воодушевить на борьбу с врагом. Когда никто из начальства не отвлекал, пилоты изучали район полетов. Не всегда была возможность долго высматривать на местности характерные отметки – изгиб реки, высокую трубу, развилку дорог, да еще сравнивать с картой. Приходилось запоминать, чтобы с одного взгляда понять, где ты находишься. Хорошо, когда штурман толковый.

Для техников, мотористов и прочего аэродромного люда непогода – самое трудовое время. Подремонтировать, отрегулировать, сменить изношенные покрышки, провести регламентные работы, дел всегда хватало с избытком. На некоторых самолетах уже был выработан ресурс двигателей, такие моторы снимали, отправляли на заводы. Моторы отечественного производства, что авиационные, что танковые, ресурс имели небольшой, как правило, 100–120 моточасов. Впрочем, редко какой танк на поле боя выживал долго, как и самолет.

А еще летчики в такую непогоду отсыпались. Обычно вылеты начинались рано, в четыре – пять часов утра, как только встало солнце. В это время воздух спокоен, нет болтанки, отбомбиться можно точно.

Два дня после дождя еще ждали, пока просохнет земля. А немцы уже летали.

Обычно аэродромы бомбардировщиков устраивали километрах в тридцати – сорока от линии фронта. Аэродромы истребителей располагались ближе, в двадцати – двадцати пяти километрах. Ближе нельзя, достанет крупнокалиберная артиллерия врага, а дальше – лишний расход бензина, на истребителях его запас и так невелик, а авиамоторы прожорливы, за полтора часа полета сжигали по триста литров бензина, да еще качественного Б-78.

Пользуясь непогодой, комиссар полка собрал экипажи, чтобы зачитать только что вышедший приказ № 0299. Зачитывал он только то, что касалось бомбардировочной авиации.

За десять боевых вылетов днем или пять ночью каждое лицо из состава экипажа представлялось к правительственной награде и денежной выплате в одну тысячу рублей. За двадцать боевых вылетов днем или десять ночных – каждое лицо из экипажа представлялось к денежной выплате в две тысячи рублей. За тридцать боевых вылетов днем или двадцать ночью каждое лицо экипажа представлялось к званию Героя Советского Союза и трем тысячам рублей денежной премии.

Причем все вылеты должны иметь подтверждение эффективности в виде фотоснимков разрушенных укреплений или мостов, уничтоженной техники.

У истребителей первые три летчика получили звезду Героя уже восьмого июля 1941 года за воздушные тараны – Михаил Жуков, Сергей Здоровцев и Петр Харитонов. Алексей Маресьев получил звезду Героя, сбив одиннадцать самолетов, но из них семь, летая без ног, на про-

тезах. Летчик морской авиации Захар Сорокин получил героя за восемнадцать сбитых самолетов, из них двенадцать, летая на протезах.

Были пункты, в душе повеселившие многих. Так, командир и комиссар эскадрильи бомбардировщиков, которая осуществила сто боевых вылетов и потерявшая не более трех своих самолетов, представлялись к правительственной награде, причем на усмотрение командира воздушной армии. Могли дать «Красную Звезду», а могли и «Красное Знамя». Орден Ленина командиру полка и комиссару, если полк совершил более двухсот пятидесяти вылетов, потеряв при этом не более шести самолетов. Так что были командиры полков, у которых грудь в орденах, но которые сами не вылетали на боевой вылет ни одного раза. Боевые награды не только повышали авторитет воина, но и давали ежемесячные денежные выплаты. Например, Герой Советского Союза получал 50 рублей, за орден Ленина – 25 рублей, за орден Отечественной войны или Красного Знамени – 20 рублей. За другие ордена по 15 рублей, а за медали – 10.

В этом же приказе о поощрениях и наградах последним абзацем шел пункт о наказаниях.

В случае вынужденной посадки с убранным шасси и другие летные происшествия следовало тщательно расследовать, летчиков рассматривать как дезертиров и предавать суду военного трибунала. Пункт у летчиков вызывал неприятие. В здравом уме на исправной машине экипаж не будет садиться на «брюхо», очень велик риск пожара и гибели экипажа.

Деньги за награды невелики. В тылу колхозник получал 150 рублей, инженер 800, шахтер 700, токарь – 500 рублей. В армии денежное и продовольственное, как и вещевое снабжение за счет государства. Деньги можно не тратить. Но многие летчики, техперсонал, пересылали свои аттестаты семьям в тыл. По продуктовым карточкам продукты дешевые, но их мало, жили впроголодь. На базаре можно было купить все, но цены бешеные. Килограмм соленого сала 1500 руб., буханка хлеба в 2 кг 300–400 рублей, килограмм картошки 80–100 рублей, бутылка водки от 300 до 800 рублей, пачка папирос 70–100 рублей.

Денежное довольствие рядового бойца в действующей армии составляло 17 рублей, командира взвода 700 рублей, командира роты 950 рублей, командира батальона 1100 рублей. В гвардейских частях довольствие было выше в полтора раза. Для летчиков были доплаты за уничтоженную вражескую технику. За сбитый истребитель 1000 рублей, за бомбардировщик 2000 рублей, за уничтоженный паровоз 750 рублей. Конечно, воевали за страну, за идею, не ради денег. Но деньги помогали выжить семьям в тылу. И человек служивый чувствовал себя спокойнее.

Как только высохла земля, снова пошли полеты. Немецкая группа армий «Центр» перешла в наступление под Рогачевым. Вылет на бомбардировку эскадрилий, на прикрытие истребители дают, по заверениям командира полка. Взлетели тяжело. Колеса уже в земле не вязли, но грунт проваливался, тяжело нагруженный самолет разбежался не триста метров, а все четыреста. Выстроились позвенно, направились в сторону фронта. Ближе к передовой «пешек» встретили Як-1, по тому времени новые. Почти одновременно на замену И-15 «Чайка» и И-16 заводы стали выпускать Як-1, МиГ-1 и ЛаГГ-3. Высотный истребитель ЛаГГ оказался тяжелым. Перед войной авиационное руководство полагало, что бои истребителей будут протекать на больших высотах 6–8 тыс. метров. Для этого на ЛаГГах устанавливали мощные турбокомпрессоры для поддува, кислородное оборудование для летчика. А основные бои истребителей шли на высотах 3,5–4 тыс. метров, и выигрывал бой наиболее легкий и верткий самолет.

Павел в первый раз видел «живьем» Як-1. Внешне понравился. Фюзеляж зализанный, обтекаемый, в отличие от «ишака».

Но истребители – это только половина прикрытия, ибо от зенитного огня с земли прикрыть не может никто. Зашли на цель – шоссе и луг рядом, на котором рассредоточились танки, стали бомбить. С земли по «пешкам» лупят со всех стволов. И зенитные «эрликаны», и ручные пулеметы бронетранспортеров, и зенитные пушки калибром посерьезнее. Их снаряды давали разрывы. Хлопок, во все стороны осколки летят, облако дыма. Павел весь бомбогруз

сбросил, развернулся в сторону фронта, штурвал на себя потянул, ручки газа обоих моторов вперед почти до упора перевел, тумблером вторую ступень компрессора включил. Облегченный самолет легко высоту стал набирать. Зенитный огонь позади остался. Штурман по внутренней связи докладывает:

– Вижу впереди, слева десять и ниже триста «пешку». Дымит. Кто-то из нашей эскадрильи.

Павел обороты мотора убавил, штурвал медленно от себя перевел. «Пешка» послушно стала снижаться, терять скорость. Уже виден бортовой номер «019» дымящего самолета. Идет дым серый за хвостом, а огня не видно. На этом самолете Игорь Высоковский пилотом. В казарме при Казанском авиазаводе на соседних койках спали. Павел нажал кнопку на штурвале, включая рацию на передачу:

– Девятнадцатый! Дотянешь?

В наушниках пару минут шипение, треск. Павел даже подумал – не слышит его пилот. Оказалось – думал, оценивал возможности.

– Сомневаюсь.

И в самом деле, бомбардировщик медленно, но верно терял высоту, потом замер винт. Голос воздушного стрелка по внутренней связи:

– Командир, сзади нас догоняют два истребителя. Пока не могу понять – кто?

В сердцах Павел выругался. Если немцы, то добьют «девятнадцатого» и их. Ведь не брошишь однополчанина? Однако истребители приблизились, и Павел увидел красную звезду на вертикальном оперении хвоста ведущего. От сердца отлегло.

– Штурман, сколько до наших?

И тут же ответ:

– Сорок километров.

– Девятнадцатый, до наших сорок километров.

Снова минутная заминка.

– Не дотяну.

На альтиметре восемьсот метров и высота падает. Решение пришло сразу.

– Подбирай площадку впереди и садись. Я следом за тобой. После посадки сразу ко мне бегите. Один в кабину к стрелку-радисту, двое в бомбовый отсек, люки я открою.

У Высоковского вариантов нет. Прохрипел в ответ:

– Понял, выполняю.

У бомбардировщиков и истребителей разные частоты радиостанций. Связаться бы с ведущим, чтобы прикрыл. Да не только от вражеских истребителей, но и от наземных войск. Посадка в ближнем тылу не пройдет незамеченной. Для немцев захватить поврежденный самолет и экипаж – большая удача.

Павел снова по рации Игорю:

– Самолет после посадки подожги, чтобы не достался немцам.

– Сам так думал.

И отключился. Впереди показалась ровная площадка, похоже – луг. «Девятнадцатый» стал снижаться, а Павел заложил вираж. Ему тоже надо приземлиться, а для этого смотреть, какая земля? Не болотистая ли? Высоковский мягко притер «пешку» к земле, дал небольшого «козла» на кочке. Остановился, из самолета сразу выскочил экипаж. Игорь побежал под крыло, потом взобрался на плоскость. Ага, откручивает пробку бензобака. Надо и Павлу садиться. Он предупредил экипаж, стал снижаться, выпустил шасси и тормозные щитки, чтобы скорость погасить. Сел след в след на борозды в траве от «пешки» Высоковского, когда потерял скорость, затормозил, стал разворачиваться. От поврежденной «пешки» в его сторону бегут двое – штурман и бортовой стрелок. Павел рычагом открыл бомболюк. Парни забрались, постучали по дюралевой переборке. Павел люк закрыл. Что Игорь медлит? В это время вспышка,

поврежденная «пешка» загорелась, причем мощно. Видимо, Игорь ухитрился облить ее бензином. Вот он и сам бежит. В это время два «яка» открыли огонь из пушек по невидимой цели за деревьями. Пологое пикирование, треск пушек, подъем с разворотом и новая атака. Надо торопиться со взлетом. Игорь уже недалеко. Бортстрелок люк открыл. Игорь влез. Кабина тесная, на одного рассчитана. А тут второй, да в меховом комбинезоне, как медведь. Люк кое-как закрыли. Бортстрелок докладывает:

– Командир, порядок! Можем взлетать!

Павел рычаги управления двигателями вперед до отказа. Взлетный режим с форсажем. Двигатели ревут, разбег! Удержать бы еще самолет на прямой. Сложно, на неровностях и кочках трясет. Павел выбрал как ориентир дерево впереди с расщепленным от удара молнии стволом, держал направление на него. Потом штурвал на себя. Тряска прекратилась, стало быть, колеса шасси уже оторвались от земли. Повернул кран уборки шасси, сразу ощутил, как легче самолет стал набирать высоту. А истребители кого-то атакуют, из-за деревьев черный дым идет. Поднялись немного, стала видна цель для атак – грузовик, несколько трупов солдат возле него, горящий полугусеничный транспортер. Ага, немцев отгоняли! Молодцы. В знак одобрения Павел качнул крылом. А по внутреннему переговорному устройству от бортстрелка, но голосом Игоря:

- Поаккуратнее! Не дрова везешь, мои парни в бомболоке, там держаться не за что!
- Безбилетникам комфорт не положен! – пошутил Павел.
- Штурман, курс!
- Сто десять!

Истребители сопровождали «пешку» Павла до аэродрома, сделали круг, наблюдая посадку, только потом улетели. Молодцы парни, надо командиру полка доложить, пусть свяжется с командиром истребительного полка, поблагодарит.

Павел зарулил на свою стоянку, заглушил моторы, открыл бомболок. Из самолета, к большому удивлению технического люда, выбрались два экипажа. Игорь к Павлу обниматься.

- Я теперь тебя водкой до гробовой доски поить должен!
- Сочтемся. Считай – побратимы теперь.

Оба экипажа к командиру полка. Во-первых, доложить надо, почему экипаж цел, а самолета нет. Во-вторых, экипаж Павла – как свидетели. Ну и Павел в довершение об истребителях сказал.

- Обязательно свяжусь! – пообещал полковник.

Эпопея на этом не закончилась. Игорь через несколько дней где-то раздобыл бутылку коньяка, еще довоенного выпуска, принес Павлу. А Павел предложил:

- Давай истребителям отдадим!
- Согласен. А как?

Проще всего было сбросить подарок с самолета на аэродром. Но только бутылка разобьется. Машиной ехать далеко, да и кто ее даст на такое мероприятие? Выход предложили техники. Были в авиации «вымпелы». Похожий на снарядную гильзу футляр, закручивающийся из двух половинок. Имел небольшой парашютик, как для осветительной ракеты. Померили, бутылка точно вошла. Двумя экипажами написали записку с благодарностью, подписи поставили. После одного из полетов, когда возвращались на свой аэродром, Павел отклонился немного в сторону, снизился. Бросать вымпел с подарком должен был штурман. У него сдвижная форточка есть. Когда близко командный пункт, возле которого «колбаса» висит, Павел скомандовал:

- Бросай!

А сам набрал высоту, сделал кружок над аэродромом. «Вымпел» подобрали, сразу сбегались любопытные. Дальше оставаться над аэродромом нельзя, можно демаскировать. Уле-

тели на свой аэродром. О сбросе рассказали Игорю Высоковскому. Его экипаж безлошадный, но обещали вскоре дать другой самолет после ремонта.

История имела продолжение. Через неделю над аэродромом очень низко, на бреющем, прошел Як-1. С него сбросили «вымпел», причем прежний, который сбрасывали бомберы. Павел его опознал по характерной царапине на торце. Открыли, а там кусок соленого сала и записка.

«Будем бить фашистских гадов дружно!»

Сало на фронте – редкость. Кормили сносно – суп, макароны по-флотски или гуляш, чай. Но хотелось чего-нибудь из прошлой, гражданской жизни. Сала, пирожок, компот.

Сало торжественно съели за ужином. Каждому досталось по маленькому кусочку. Но у некоторых слезы на глаза наворачивались, вспомнили довоенную жизнь, посиделки с родней на праздники. Хорошая жизнь была, верили в светлое будущее. А сейчас тяжелая война и по ночам многих гложут сомнения – устоим ли? Потому как немец все продвигался вперед. И в сводках Совинформбюро появлялись упоминания о новых сданных врагу городах, о появлении новых направлений – Рогачевского, Гомельского. О своих сомнениях не говорили никому, чтобы не обвинили в малодушии, неверии в Красную армию.

Очень неожиданно на утреннем построении экипажу Павла вручили медали «За отвагу», никто не ожидал. Вручал командир полка, а пламенную речь о взаимовыручке, о боевом братстве сказал комиссар. Наградить медалями было в компетенции командира дивизии. Командир воздушной армии был вправе наградить уже орденом Красной Звезды. «Красное Знамя» уже уровень командующего фронтом. А все, что выше по статусу – орден Ленина, звезда Героя – уже президиум Верховного Совета. Только в сорок первом редко кто мог похвастать наградами. Ими гордились, подписывались «орденоносец Иванов». Медаль «За отвагу» в армейской среде была уважаема, ценилась выше, чем «За боевые заслуги» или по случаю юбилея РККА.

В полку это было первое награждение. Бегал фотограф, делал фото для дивизионной многотиражки. Павел стеснялся, полагая – на его месте каждый поступил так же.

А собратья по оружию намекали – такое событие обмыть надо, отметить. Пришлось идти к старшине хозяйственного взвода.

– Михалыч, небольшое застолье организовать надо по случаю награды.

– Покажи!

Старшина разглядывал медаль с обеих сторон, разве что на зуб не попробовал.

– На сколько персон?

Павел прикинул – для экипажей хотя бы своей эскадрильи.

– На тридцать.

Старшина поскреб затылок.

– Это пятнадцать пол-литр. Цену бутылки знаешь? А еще закуска. Это хорошо, что август. У местных огурчики-помидорчики на закуску можно подешевле купить. Думаю – еще рыбки вяленой или сушеной, да по мелочи. Тысяч пять надо, не меньше.

В основном деньги шли на аттестат, мало кто имел наличные. Но через начальника финансовой части, в армии сокращенно – начфин, удалось такую сумму получить бумажными деньгами, красненькими тридцатками. Старшина развернул бурную деятельность, и уже следующим вечером эскадрилья, а вместе с ней командир полка и комиссар, главный штурман и главный инженер, все начальство полковое отмечали награжденных. Начальники сказали первый тост – за Победу, за Сталина, за Красную армию – и удалились.

Вечер удался на славу. Немного выпили, закусили, старшина принес патефон, послушали пластинки. Потанцевать бы, да не с кем, в полку одна женщина, военврач, но от участия в вечернике она отказалась.

Авторитет Павла заметно вырос. Как обратная сторона медали, ему стали поручать задания рискованные, на грани. И первое из таких – найти в лесу дивизию генерала И. В. Болдина.

Она пробивалась из-под Гродно уже сорок пять дней на соединение со своими. Остался рыбок на один бросок, а боеприпасов нет. Что без патронов боец? Мишень для вражеского пулеметчика.

Вот и получил Павел приказ – найти «Лесную дивизию», как прозвали ее в штабах, и сбросить боеприпасы в специальных контейнерах. С виду они как длинные брезентовые мешки. Местоположение дивизии известно ориентировочно. Где она в реальности – не известно. Конечно, лучше бы с этой задачей справился самолет У-2. Но у него для этой задачи не хватало дальности полета и грузоподъемность мала, три-четыре ящика винтовочных патронов. Даже для неполной дивизии, потрепанной в боях, это по одному-два патрона на бойца.

Значительно лучший вариант – грузовой «Дуглас» С-47, впоследствии их стали выпускать в СССР по лицензии под обозначением Ли-2. Груза берет больше, для посадки площадка нужна, оборонительного вооружения нет. Позже стали устанавливать пулеметную турель сверху фюзеляжа.

Да и где его искать, если помощь срочно нужна. Рация вчера вышла в эфир, генерал попросил помощи в боеприпасах, после этого рация в эфир не выходила. То ли батареи сели, то ли разбило ее осколком, а может, генерал запретил выходить в эфир, опасаясь, что немцы запеленгуют и бросят на дивизию пехоту, карателей, танки.

Получив задание, Павел уединился со штурманом.

– Последний раз рация выходила в эфир вот здесь.

Павел ткнул в предполагаемый район карандашом.

– Думаю, дивизия смогла уйти километров за двадцать. У них раненые в обозе, не исключено – пушки на конной тяге. Быстро идти не смогут.

– Тогда обведем овал. Не круг, потому что они к Смоленску идут. И, вероятнее всего, лесными дорогами. Идти по лесу невозможно, сам видел, какие там леса. Танк нужен деревья валить. Так что искать надо здесь, здесь и здесь.

Яковлев высказал то, о чем думал Павел. Мнения совпали. Пока шло обсуждение, в бомболок и на наружную подвеску подвесили контейнеры. С небольших высот, до 10–15 метров, их можно было сбрасывать без парашюта. Напоминали мешки для десантников, только большего размера.

Моторы уже прогреты, взлетели. Линию фронта пересекли на высоте четыре тысячи метров и сразу снижение до восьмисот. И уже в предполагаемом районе снизились до двухсот метров. Опасно, на такой высоте даже ручной пулемет может причинить серьезные повреждения, а то и сбить. У «пешки» из брони только чашки сидений. Начали ходить над лесом галсами. И вдруг штурман кричит:

– Вижу красноармейцев! Развернись, пройди еще раз!

Павел развернул самолет. Лесная дорога промелькнула стремительно. Еще разворот, уже на девяносто градусов, вдоль дороги. Наши! Форма зеленая, обоз, двуколки санитарные. Штурман просит:

– Еще заход вдоль дороги, но немного сбоку, чтобы контейнерами никого не зацепить.

Разворот, Павел снизился до предела, воздушный поток пригнул верхушки деревьев.

– Сброс!

Штурман в первую очередь сбросил два контейнера с наружной подвески. Еще заход. Открыты створки бомболока. Один за одним на землю полетели еще четыре контейнера. Кроны деревьев смягчили удар. Всё! Облегченный самолет легко набрал высоту. Штурман на карте карандашом сделал отметку точки сброса. Прорыв намечен на завтра, и тогда станет известно, удачно ли произошел сброс и попал ли к бойцам генерала Болдина? В лесах ныне окруженцев много, но патроны попали к своим, судя по форме. У экипажа настроение приподнятое, задание выполнено. Павел набрал высоту в три тысячи. На такой стрелковое оружие с земли уже не достанет, и кислородные маски надевать не надо. Да и моторам воздуха хватает.

На пяти тысячах без кислородной маски уже плохо, одышка. И на двигателях приходилось включать вторую скорость компрессора, иначе моторы не выдавали мощность и скорость.

Погода ясная, солнечная, видимость, как говорят летчики – «миллион на миллион». Это дальность имеется в виду.

И, как всегда неожиданно, доклад бортстрелка:

– Командир, наблюдаю сзади двух «худых», догоняют.

У «мессера» скорость выше, чем у «пешки», километров на сто пятьдесят, а то и двести, в зависимости от модификации. Оторваться, даже на форсаже, не получится. И на пикировании тоже, летчики на «худых» использовали пикирование при воздушных боях с советскими истребителями, чтобы оторваться. На пикировании скорость может превышать максимальную для горизонтального полета. Немецкие истребители переносили пикирование легко, потому как обшивка фюзеляжа и крыльев из алюминия. А у наших истребителей обшивка из фанеры, а поверх нее ткань, перкаль, сверху покрыта лаком для влагоустойчивости. Получалось дешево, но тяжело и ненадежно. При превышении скорости ткань, а зачастую и фанеру с плоскостями срывало, что приводило к катастрофам.

Мысль о пикировании привела к неожиданному решению.

– Штурман, стрелок, наблюдайте за «худыми». Как только будут готовы открыть огонь, дайте знать.

Для поражения противника истребитель должен подойти на близкую дистанцию, чаще всего это сто метров, уравнивать свою скорость со скоростью жертвы, поймать цель в прицел, уже потом открывать стрельбу. На подготовку у опытного летчика уходит до тридцати секунд, другой и минуту будет готовиться.

Павел потянул рукоятку перезарядки курсовых пулеметов. Их два, неподвижных, в отличие от турельной установки бортстрелка. Один пулемет – ШКАС, винтовочного калибра, скорострельный, но капризный, ненадежный. Второй пулемет крупнокалиберный – УБ. На него у Павла надежда.

В наушниках зашипело, бортстрелок просипел:

– Немец уже стреляет.

Рядом с фюзеляжем пронеслась длинная трасса. Сейчас летчик подправит наводку. Павел совсем немного повернул штурвал вправо, двинул вперед левую ногу на педалях. «Пешка» начала скользить вправо, совсем немного, но уходя из-под огня. А потом сделал то, что немец не ожидал. Дернул рычаг, выпуская тормозные щитки. На ПЕ-2 они использовались при бомбардировке с пикирования. Создавали значительное сопротивление воздушному потоку, не давая самолету разогнаться. Подобно тормозам на автомобиле.

Немец увидел, что резко догоняет бомбардировщик. Чтобы уйти от столкновения, взял ручку на себя. На истребителе тормозить невозможно. «Худой» проскочил вперед «пешки», с небольшим превышением по высоте. Как раз этого момента ждал Павел. Штурвал на себя, приподнял нос «пешки», поймал «худого» в прицел и нажал гашетку. От «мессера» полетели куски обшивки, почти сразу появился дым. Истребитель беспорядочно стал падать. Павел провожал его взглядом. Из «мессера» выпрыгнул летчик, раскрылся купол парашюта. И только сейчас Павел вспомнил о втором истребителе. Начал крутить головой – не видно.

– Стрелок! Где второй «худой»?

– Заложил вираж с переворотом и ушел.

Ничего себе! Немец имел все шансы подобраться и дать пушечную очередь в упор, сбить. Но ведущего сбили, и ведомый не рискнул.

– Командир! Здорово ты фрица подловил, повезло!

Везет тем, кто сам стремится к победе. Павел убрал тормозные щитки. Надо будет парням рассказать, может – поможет когда-нибудь. Заложил вираж, почти поставив самолет на левое

крыло, проводил взглядом парашют с немецким летчиком. Истребитель уже упал, горел на земле.

Приземлились на аэродроме с отличным настроением. Задание выполнено, а сверх того – сбит «мессершмитт». Вот только засчитают ли победу? Для этого нужны свидетельства или других экипажей или наземных войск. Немец был сбит над оккупированной территорией, и наши войска подтвердить победу не смогут. И других советских самолетов поблизости не наблюдалось. Все же в штабе доложил о воздушном бое и победе. Вдруг найдется свидетель? И он нашелся. Артиллерийский корректировщик, сидевший на заводской трубе с биноклем, видел падающий самолет и парашют.

Рапорт по начальству подал. Сбитый самолет за экипажем записали. А механик, раздобыв красной краски, нарисовал на борту маленькую звездочку. Так делали в истребительных полках и очень редко в бомбардировочных, когда бортстрелку удавалось сбить вражеский истребитель. Чаще бывало наоборот. Истребитель в первую очередь пытался убить стрелка, стреляя по турели, по задней кабине. А уже потом спокойно расстреливать бомбардировщик или штурмовик. Первые месяцы войны штурмовики Ил-2 несли большие потери из-за отсутствия бортового стрелка. И не зря штурмовикам давали Героя за десять боевых вылетов. Только один летчик Ил-2 Николай Карабулин получил в 1941 году высокую награду. Конструктор Ильюшин первоначально имел в проекте и на опытном самолете бортстрелка. Потом в серийном производстве ее убрали, так как самолет недодавал заявленную скорость. Из-за больших потерь самолетов кабину пришлось переделывать, ставить турель, вводить бортстрелка. А в условиях заводского серийного выпуска это сделать непросто.

За сбитого подтвержденного истребителя каждый член экипажа получил по тысяче рублей на счет. Не ради денег воевали, но все равно приятно. Раз в месяц в частях появлялись представители военно-полевого банка. Был такой в действующей армии во время войны. Кому-то перевод родным сделать надо или выдать наличные деньги со счета.

А еще раз в неделю силами банно-прачечного отряда производилась помывка военнослужащих, стирка белья, услуги парикмахера. Дней этих ждали с нетерпением. Помыться горячей водой, да с мылом! В полной мере порадоваться может тот, кто лишен. На помывку каждому бойцу выдавали маленький кусочек хозяйственного мыла и полотенце. Мылись в палатках, рядом стоял специальный автомобиль, греющий воду, в нем же насос для подачи воды.

Почти все члены экипажей имели шелковые шарфики. Не для форсу, а чтобы обмундированием шею до крови не натирать. В полете приходилось постоянно головой вертеть, чтобы успеть заметить противника. В качестве материала для шарфов использовались полосы, нарезанные из списанных парашютов.

Бывали дни, когда один-два вылета. Но бывало, делали по четыре вылета. Приземлялись, кушали. В это время самолет заправляли топливом, снаряжали бомбами и пулеметными лентами. Механики доливали моторное масло и охлаждающую жидкость. Из-за скверной резины сальники и уплотнители моторов давали течь, моторное масло доливали после каждого вылета. Полчаса, сорок минут и снова на вылет. Такие тяжелые дни случались, когда немцы наступали, надо было их сдерживать, выбить технику и личный состав. А наших танков, самолетов – катастрофически не хватало. В сорок первом заводы переезжали на новые места, подальше от фронта, за Урал. Каждый переезд – катастрофа. Мало того что надо приспособить здания под станки. У каждого завода сотни смежников. Один поставщик делает моторы, другой – пушки и пулеметы, третий – покрышки для шасси, четвертый – радиостанции. А есть еще пятый, двадцатый, сотый. И все переезжают, нарушены все связи. Так что выпуск боевой техники в эвакуации – трудовой подвиг народа в тылу.

Начались поставки по ленд-лизу. Уже 31 августа 1941 года в Архангельск прибыл первый конвой с военными грузами. Англичане понимали, что если Гитлер одержит победу над СССР, то следующей целью будет Британия.

Подключились американцы, но вяло. Выжидали, как долго устоит под натиском вермахта Советский Союз. И только после того, как немцы потерпели поражение под Москвой, стали активно поставлять помощь.

Шла она по нескольким маршрутам. Через Атлантику до Мурманска и Архангельска. Морскими судами через Тихий океан до Владивостока, где большую опасность представляли японские подводные лодки, ими было торпедировано не одно наше судно. Трансиранский маршрут – через Индийский океан до иранского порта Басра, далее через Иран в наше Закавказье. Для самолетов еще была трасса АлСиб, сокращенно от Аляска – Сибирь. Работы по сооружению авиатрассы начались еще в октябре 1941 года, когда Госкомитет обороны принял постановление № 739. Создание трассы возложили на Главное управление гражданского воздушного флота под руководством генерал-майора В. С. Молокова. Правда, 27 апреля 1942 года Гражданский воздушный флот перешел в подчинение РККА.

В первых числах сентября звено Павла получило приказ уничтожить вражеский бронепоезд. Заняв какую-то территорию, немцы сгоняли на принудительные работы жителей. В числе первоочередных задач – перешивали железнодорожную колею на европейский стандарт. По железной дороге вне зависимости от дождей, распутицы можно было быстро доставить технику, личный состав, боеприпасы, топливо, вывезти раненых в тыловые госпитали. А в случае нужды по рокадам провести перегруппировку войск.

Кроме того, что у наших, что у немцев, активно действовали бронепоезда. Фактически – подвижная крупнокалиберная батарея с зенитным прикрытием. В тяжелые моменты боя выдвигался такой бронепоезд, отстреливался по цели. Шквал огня – и бронепоезд меняет позицию. Если противник наносит ответный удар, то уже по пустому месту.

Выявить сложно, маскируются бронепоезда хорошо. Единственное, что их выдает, так это дым от паровоза. На войне дымов полно, особенно на передовой, в ближнем тылу, куда долетают снаряды крупнокалиберной артиллерии, в среднем это пятнадцать километров.

Партизаны и войсковая разведка в обнаружении бронепоезда помощники слабые. Обнаружили, передали по радиации координаты, а бронепоезд уже переехал на другое место. Да и радиации были далеко не у всех отрядов. Первоначально, когда образовывали Штаб партизанского движения, считали, что партизаны должны обеспечивать себя всем необходимым за счет противника – оружием, боеприпасами, провизией и даже одеждой. Но только немец добровольно не отдает оружие, его убить надо. Собирали на полях сражения оружие, но его остро не хватало. Немцы, заняв территорию, собирали оружие и боевую технику, имея для этого специальные трофейные команды.

Советское стрелковое оружие и боеприпасы отдавали полицаям, карательным командам, националистическим формированиям – украинским, крымско-татарским, казачьим, власовской РОА. А боевую технику зачастую использовали сами. На месте красной звезды на башне Т-34 нарисуют крест и готова мощная боевая единица. И пушки наши уважали. В первый год войны у нашей Ф-22 расверливали казенник под гильзу большего размера и получалась мощная противотанковая пушка. Наши танкисты называли ее «гадюкой».

Когда командир звена Антонов озвучил задание, штурманы и пилоты зашуршали картами. Железные дороги обозначены, но не полностью. Есть, скажем, в небольшом городе кирпичный завод. От основной ветки к нему есть подъездные железнодорожные пути, платформа для погрузки – разгрузки, типичный тупик. Там не один, а два бронепоезда спрятать можно. Или старый, заброшенный разъезд. Рельсы уже заржавели, не отблескивают, все травой поросло. Будешь стоять рядом и не догадаешься, что рельсовый путь в пяти метрах.

У немцев карты точные, обозначены ручьи, их глубина, скорость течения. Столбы телефонных линий, одиночные строения, вроде сараев. Не зря абвер и прочие службы свой хлеб ели. А еще перед войной якобы случайно залетали самолеты с фотоаппаратурой. Отличная цейсовская оптика славилась еще с начала века, на фотопленке каждая мелочь видна. Однако

немецких карт у летчиков нет. Начали высказывать предположения. Относительно потаенных мест, где мог укрыться бронепоезд, оказалось несколько. Все звено, три бомбардировщика, гонять попусту смысла нет. Командир решил раздать для разведки каждому экипажу предполагаемые места стоянки бронепоезда. Кто обнаружит, по радиации передает координаты другим. Взлетели один за другим, быстро рассредоточились.

Павлу достался небольшой кусок железнодорожного пути, но самый дальний. Высоко лететь – ничего не увидишь, а низко – рискуешь попасть под «эрликоны» бронепоезда, если повезет на него выйти.

Штурман вывел к железной дороге. Павел повел самолет немного в стороне, вдоль путей. Увидели поезд с битой техникой на платформах, который шел на завод. Еще один поезд из крытых вагонов проследовал к фронту. Руки чесались отбомбиться. Но надо выполнить задание. Пролетели над дорогой, а бронепоезда нет. Реального бронепоезда Павел не видел никогда, представлял по виденному фото. Главные признаки – бронированный паровоз и бронированные вагоны. Хотел доложить по радиации, что в отведенном для проверки районе цель не обнаружена. А штурман голос подал:

– Командир, справа курсом сорок пять дымков. Надо бы посмотреть.

– Выполняю.

Дымок может быть от чего угодно – костра, русской печи в избе, горящего сарая или паровоза. Долго в одном районе крутиться нельзя. Небось немцы уже по радиации вызвали истребители. Крутится над головой русский самолет, явно что-то вынюхивает, наверняка разведчик, потому что не бомбит и не обстреливает.

Заложил вираж Павел, снизился до трехсот метров. Дымок ближе и непонятно, откуда он. Как будто из-под деревьев. Не похоже на бронепоезд. Отвернул в сторону, а Яковлев рукой показывает:

– Рельсы.

Павел их уже сам увидел. А на карте их нет.

Резкий разворот, по месту, откуда дым, с пологого пикирования очередь из обоих курсовых пулеметов. Щедрая, на треть ленты. И сразу все переменялось. Слетела маскировочная сеть, сразу из нескольких точек, с платформы, по самолету открыли огонь спаренные «эрликоны». Спасла малая высота, зенитчики не успевали поворачивать свои орудия, велика угловая скорость. Павел сразу по радиации назвал квадрат, развернулся. А уже не дымок, а густой дым из паровозной трубы.

Бронепоезд хочет поменять позицию, если обнаружен уже. Павел открыл огонь из курсовых пулеметов. Зенитки на платформах, сбоку броневые щиты, а сверху прикрытия нет. Сделал заход, штурвал на себя, набрал пятьсот метров и еще один заход. При меньшей высоте можно получить повреждения от осколков своих бомб. В бомбоотсеке две бомбы – пятисотки, по пятьсот килограмм. Очень мощные. Сбросил одну – и в набор высоты. Сзади мощно рвануло. Разворот – и заход на цель. От медленно движущегося бронепоезда дым. То ли от паровоза, то ли от вагонов, не понять. По «пешке» одна зенитка стреляет. С пологого пике сбросил бомбу, ручки управления двигателями вперед до упора. Надо как можно быстрее выйти из зоны обстрела. Сзади мощный взрыв, потом еще один, слабее.

– Паровоз взорвался!

Наверное, осколки пробили паровой котел и виден пар. Теперь два самолета звена по дыму и пару безошибочно бронепоезд найдут и добьют. Бомб нет, патронов к курсовым пулеметам тоже. Надо уходить.

Успел за линию фронта перелететь до появления вражеских истребителей. Так неприятность появилась. Полезла вверх температура охлаждающей жидкости правого мотора. Сбавил обороты, а температура уже у красной черты. Пришлось заглушить мотор, чтобы не устроить на борту пожар. «Пешка» без бомбовой нагрузки была способна на одном моторе продолжать

горизонтальный полет. Долетели до своего аэродрома, плюхнулись у посадочного «Т». Почти сразу вправо развернуло. Чудом не перевернулись. При осмотре механики нашли пробитый осколками водяной радиатор. Вся вода вытекла, и поработай мотор еще немного, вышел бы из строя, заклинил. И колесо правого шасси в лохмоты осколками снарядов. Это «эрликон» постарался при последней атаке. Но главное – сами уцелели и самолет сохранили. Механики заверили, что к утру отремонтируют. Самолет трактором убрали с полосы и вовремя. Сел «017» командира звена, зарулил на стоянку. Экипажи встретились у штаба.

– Виталий с экипажем погибли. На наших глазах, от зенитки. Взорвался в воздухе. А бронепоезд мы уничтожили. Ты – паровоз и две платформы, я – два вагона. На бок бронепоезд завалился.

У летчиков могилы редко бывают. За ужином помянули экипаж. За полтора месяца, которые полк воевал на ПЕ-2, уже третья часть самолетов и экипажей потеряна.

Истребительное прикрытие не всегда бывает, потери от «худых». А еще у немцев сильна зенитная артиллерия. В Красной армии такой насыщенности зенитками до конца войны не достигли.

Утром непогода, низкая облачность, морозящий дождь, видимость сто метров. Полеты отменили, пилоты после завтрака разбрелись по землянкам. Кто в карты играет, кто байки рассказывает, а кто спать улегся. Ежедневная боевая работа выматывала, нервы на пределе. У немцев пехоту после трех месяцев боев отводили в ближайший тыл на отдых. Через год отпуска, солдаты или офицеры могли съездить в фатерланд, наведать родных. В Красной армии отпуска были только после ранений, исключительно для поправки здоровья.

Зато в непогоду не приходится опасаться действий вражеской авиации. Особенно пехота довольна, в сорок первом уж очень доставали пикировщики Ю-87, прозванные «лаптежниками» за неубирающиеся шасси с обтекателями. Вроде устаревшие, тихоходные машины. Пехота наша ненавидела их больше всего. Бомбили точно, донимали воем сирен, наводя животный ужас.

Вот уж кому завидовать нельзя, так это пехоте. В любую погоду и время суток немецкие минометчики беспокоят. В каждой пехотной роте у них 50-мм минометы и боеприпасов вдоволь. Днем в хорошую погоду – пикировщики. А главная опасность – танки. Что можно сделать против бронированной машины бутылкой «коктейля Молотова»? К танку еще подобраться надо, а пулеметчик в танке не даст. А противотанковые ружья начали появляться в войсках только осенью.

На фронтах активные боевые действия. Немцы нападают, Красная армия обороняется, уперлась, но под натиском превосходящих сил пятится. Немцы несут потери в личном составе и технике, какие не были ни в одной кампании – польской или французской. Блицкрига, легкой прогулки под «Лили Марлен» и губную гармошку не получилось.

Осень в сорок первом выдалась ранней и холодной. За дождями пришли первые морозы, сначала по ночам. Техника у немцев к жестким условиям не приспособлена. Для сохранения боеготовности моторы должны быть прогреты. Либо не глушить двигатели всю ночь, сжигая дефицитное топливо, расходуя моторесурс, либо использовать специальные подогреватели. Немецкая пехота для обитания в землянках подготовлена лучше. Есть заводские чугунные печи, есть брикеты из опилок пополам с торфом. Горят долго, давая тепло. А с обмундированием промашка у вермахта вышла. Шинели тонкие, шапок и валенок вовсе нет, пошли массовые обморожения.

На первую декаду ноября морозы уже под двадцать градусов, а к концу месяца тридцать. Для немцев – невидаль. А когда в декабре морозы в сорок градусов ударили, у немцев боевой дух упал. В войсках потери от обморожений большие, так это в Подмосковье. Про Сибирь, где морозы еще сильнее, немцы думали со страхом.

В один из осенних дней Павел получил приказ на вылет в составе звена. От звена два самолета осталось – Антонова и Павла. Ничего необычного, цель задания – разбомбить автодорожный мост. Мост невелик, но на важном направлении. Ведущим Антонов, Павел в кильватере держался. Главное – не отстать и не прозевать вражеские истребители. Экипажи головами крутили на все триста шестьдесят градусов. У немцев асы именовались экспертами и имели сотни побед. Были излюбленные приемы, прятались за облаками со стороны солнца, чтобы глаза слепило. Выбрав момент, круто пикировали, открывали пушечный огонь по кабине или моторам. Сверху проекция самолета велика, попасть легче, чем при атаке с хвоста.

Перед вылетом обсудили с Антоновым план. Он предложил обойти цель с севера, через Полднево, развернуться над Жулями и выйти на мост со стороны запада. Зенитки нападения с этой стороны не ожидают, удастся выиграть несколько секунд. Сброс бомб и сразу уход к линии фронта. Нахождение над целью и под огнем зениток минимальное. Но очень многое зависит от точной работы штурмана. Он должен вывести на цель ювелирно. После изучения карты Павел выбрал для себя два ориентира – слева река Угра, справа, параллельно ей, грунтовая дорога. На карте нанесена, стало быть, должна использоваться. Сложность в том, что при таком заходе мост будет перпендикулярно направлению полета. Трудно попасть. Одна надежда, что бомбы четыре и каждая весом по четверти тонны. Мощные, если в мост не угодят, то рядом и разрушат взрывной волной.

Прошли над линией фронта низко. Между Тетерино и Горками, где населенных пунктов нет, кружок сделали, обходя крупные села, где могут быть гарнизоны, телефонная связь, по которой о советских бомбардировщиках сообщат. Пока получалось, как задумали. У Пустошки разворот почти на сто восемьдесят градусов. И вот она, река Угра. Сразу припомнилось историческое стояние на Угре татар и русской рати, только ниже по течению. А здесь река выглядит узкой, не впечатляет.

Прошли Жули, судя по карте, до моста 12–13 километров. На «пешке» Антонова уже открылись бомболюки. И Павел открыл. Уже меньше десяти километров, до сброса считанные минуты. Штурман ведущего вывел «пешку» точно на мост. Павел увидел, как полетели вниз бомбы. Одна за другой. Прозевали немцы, не успели огонь открыть. После сброса смертоносного груза ПЕ-2 Антонова сразу вверх полез, набирая высоту. Одна за другой на берегу рванули две бомбы, одна в реке до моста, вторая тоже в реке, но с перелетом. Тут очнулись зенитчики. И все внимание атакующему бомбардировщику Павла. Слева и справа, выше и ниже вспухали облака разрывов снарядов. Мелкие осколки на излете били по фюзеляжу, по остеклению фонаря кабины.

– Штурман! Приготовиться к сбросу!

– Есть!

Штурман и без приказа уже к прицелу приник. При заходе на цель очень важно выдерживать курс. Сложно удержаться, чтобы не маневрировать, уворачиваясь от разрывов. Самолет, идущий как по линейке – хорошая мишень для зениток. Один снаряд рванул у правого крыла. Сразу изменился звук работы мотора. Взгляд на приборы. Пока двигатель держит обороты.

– Пошли! – закричал Яковлев.

Одна за другой вниз полетели бомбы. Облегченный бомбардировщик сразу «вспух» вверх.

– Стрелок, как попадания?

Стрелку из задней кабины видны разрывы. Самому Павлу отвлекаться некогда, надо увести «пешку» из зоны обстрела. Снаряды пока еще рвутся рядом. Бах! Разрыв впереди по курсу, самолет влетел в облако дыма. В кабине запахло тротилом. Зенитки остались позади, разрывы прекратились. Другая беда – правый мотор чихнул раз, другой и смолк. Если не атакуют вражеские истребители, дотянуть на одном движке до своего аэродрома вполне можно. Павел выключил зажигание на заглохшем моторе. В полете непривычно видеть неподвижно

стоящий винт. Далеко впереди виден самолет Антонова. У него работают оба мотора и скорость выше, с каждой минутой он удаляется. Высота две тысячи метров. Впереди кучевые облака, хорошая защита от чужих глаз. Они немного в стороне, но тянутся длинной полосой. Павел направил бомбардировщик в облако. Сразу сумрачно стало, сыро. Минут десять летели, скрытые от вероятных наблюдателей. Потом облако кончилось, солнце ударило по глазам.

– Штурман, место?

– Беяево. Через два километра линия фронта.

Единственному мотору полный газ. Сейчас главное – добраться до своей территории. Случись вынужденная посадка, хоть на нашей земле. Но дотянули. Уже посадочная полоса видна. Рычагом выпустил шасси. Сразу у посадочного «Т» суета. Правую половину буквы убрали. Понятно, не вышла правая стойка шасси. Из кабины стойки не видны. А на приборной доске обе белые лампочки сигнализации горят. Но верить надо тем, кто на земле. Придется сажать на левую стойку и рулями удерживать до потери скорости. Конечно, самолет обопрется на левое крыло, повредит. Но не катастрофично, механики отремонтируют. Убрал обороты мотору, притер самолет у посадочного «Т» ювелирно на одну «ногу». Сколько мог, удерживал в равновесии. С потерей скорости «пешка» стала медленно клониться вправо, потом задела концом крыла землю, сразу пыль, самолет развернуло почти на триста шестьдесят градусов и он замер. Во избежание пожара Павел выключил зажигание левому мотору, перекрыл кран подачи топлива. Откинулся на сиденье, вытер ладонью пот с лица. К «пешке» уже бегут люди. Живо взобрались по крылу к кабине, сдвинули фонарь. Выбраться через нижний люк, как обычно, не получится.

– Живы? Врач нужен?

– Нет. Антонов сел?

– С ним все в порядке.

К самолету уже тягач подогнали и грузовик. Общими усилиями правое крыло на кузов водрузили, вместо стойки шасси, медленно потянули в ремонтную зону. С задания должны были возвращаться самолеты, и надо было освободить посадочную полосу. А экипаж направился в штаб полка. Павел доложил об уничтожении моста.

– Вижу – все живы. И посадку наблюдал. Можете отдыхать.

– Есть.

Первым делом в столовую. Утром легкий завтрак был, уже проголодались. Да еще нервное напряжение отпустило. Под столовую использовалась большая деревенская изба. Весь личный состав вместиться в нее не мог. А когда не летали по причине нелетной погоды, принимали пищу поэскадрильно. Рацион такой же, как у других военнослужащих, за исключением хлеба. У летчиков он белый, а не ржаной. На больших высотах от ржаного дует кишечник и может кончиться разрывом. А еще по этой же причине нельзя есть гороховый суп и пить молоко.

Глава 3. Подмосковье

Обстановка на фронтах сложная. Контрударом 24-й армии РККА по 4-й немецкой армии удалось освободить Ельню, правда – ненадолго. На юго-западном направлении немецким 1-й и 2-й танковым группам удалось окружить киевскую группировку советских войск, командующий М. П. Кирпонос погиб. Красная армия оставила Киев 19 сентября. Под Демянском наши войска отошли на рубеж Ростань – Лычково – Сухая Нива – озеро Селигер. На северо-западном направлении к 23 сентября немцам удалось оккупировать Пушкин, Павловск, Петергоф. Немцы принялись вывозить из бывших царских дворцов все ценные экспонаты.

Но каждый пройденный километр немцам давался все тяжелее, большими потерями в технике и людях. Красной армии тоже приходилось тяжело. Сказывались огромные потери в технике и вооружении в первый месяц войны. А еще переезд заводов в эвакуацию и перебои с поставками. Доходило до жесткого лимита – один снаряд на пушку на день. Все пороховые заводы были на Украине, часть уже захвачена немцами, другие – в эвакуации. Выручили поставки американского пороха по ленд-лизу. Развитием и становлением промышленности в СССР – автомобильной, танковой, авиационной, химической и прочей, занимался Сергей Орджоникидзе. Не все предусмотрел, а подсказать было некому, все сотрудники из партийцев с дореволюционным стажем, профессионального образования ни у кого нет. А прежних спецов выгнали или расстреляли, как «белую кость». Война сразу выявила ошибки, которые пришлось срочно устранять, причем большой кровью уже в ходе боевых действий.

За два с небольшим месяца боев полк, в котором служил Павел, сильно поредел. Хотя самолеты ремонтировали, восстанавливали усилиями техников и механиков, но едва уже набиралась эскадрилья, да и та сильно потрепана, моторы выработали ресурс и нуждались в замене. И сами самолеты в многочисленных заплатках на фюзеляжах и крыльях. А все шероховатости «съедали» скорость. И полк направили на доукомплектование. Летчиков на «дугласе» отправили на аэродром в Быково, ближнем Подмосковье, а технические службы в Коломну поездом. ПЕ-2 в Москве выпускал авиазавод № 39, в 1941 году он смог выпустить 303 машины. Фронт по осени придвинулся местами настолько близко к столице, что летчики боевых полков, получив самолеты, перелетали на свои фронтовые аэродромы, не садясь на промежуточные посадки для дозаправки.

Два дня ушло на получение самолетов – осмотр, ознакомительный полет. Взлет, набор высоты, коробочка и посадка. Четверть часа, как в летной школе на У-2. А потом перелет на новый аэродром под Коломну. Аэродром уже обжитой, его пришлось делить со штурмовиками ИЛ-2. Так что рев прогреваемых моторов стоял почти круглосуточно. На душе у многих тревожно, до столицы меньше ста километров. В сдачу Москвы никто не верил, но до сих пор немцев не удавалось остановить. И второе. Летчики, получавшие бомбардировщики в Быково, своими глазами видели эвакуацию московских предприятий.

По железной дороге, по разным направлениям, шли эшелоны со станками, оборудованием, семьями рабочих. Надежду давало то, что И. В. Сталин оставался в столице, хотя дипломатические посольства и Советское правительство уже перебирались в Куйбышев, куда не долетали немецкие бомбардировщики. Но бункер Сталину уже спешно сооружали метростроевцы, стройку курировало НКВД, как сверхсекретный объект.

Кроме фронтовых истребителей, армейской авиации, небо над Москвой охраняли еще истребители МПВО, московской противовоздушной обороны. В защиту столицы еще входили зенитные полки и аэростаты заграждения.

И тем не менее в одну из ночей немцы нанесли удар по аэродрому. То ли авиаразведка их засекла, то ли агентурная разведка. Но только уже за полночь военнослужащие были разбужены воем сирены, кричали «Подъем!» и ударили в набат. Для подачи сигналов тревоги у

штаба был подвешен кусок рельса и дежурный бил по нему молотком. Вскочили, оделись за секунды, выбежали из казармы. Аэродром под Протвино был еще до войны, функционировал как учебный для Осоавиахима. В бывших классах ныне разместилась казарма для летчиков. Технический персонал располагался в землянках недалеко от стоянки самолетов.

Недалеко от казармы вырыты щели для укрытия персонала на случай воздушной атаки. Ночь ветреная, лунная, видимость целей на земле хорошая. Самолеты накрыты маскировочными сетями, ветками деревьев. Здания выделяются. Послышался гул множества моторов в воздухе и с каждой минутой все ближе. Сразу вспыхнули три прожектора в разных концах аэродрома. Лучи мощные, бьют на несколько километров, заматались по небу. И вдруг один высветил самолет. Тут же к самолету потянулся еще один луч. Начали вести огонь 85-мм зенитки. У самолета разрывы по курсу, сбоку. Не выдержал пилот, сбросил бомбы, отвернул. Бомбы упали далеко от аэродрома, в километре. Но бомбардировщиков было много, не меньше десятка.

Лучи прожекторов освещали то один, то другой самолет. Это были «Юнкерсы-88», основная рабочая лошадка люфтваффе. Зенитки продолжали огонь, но бомбардировщики стали сбрасывать бомбы один за другим. И все же случилось попадание. Вспышка, за «юнкерсом» сразу шлейф пламени, бомбардировщик стал разворачиваться, явно с намерением тянуть к своим. И почти сразу взрыв, вниз полетели обломки. Никто из экипажа самолет не успел покинуть. Видимо, по команде бомбардировщики развернулись, и гул моторов стал стихать, удаляться. Ни одна бомба на аэродром не упала, все с недолетом и ущерба не нанесли. Это было первое испытание для зенитчиков и прожектористов, охраняющих аэродром. Задачу они свою выполнили и задача не в том, чтобы сбить вражеский самолет, а не дать врагу сбросить бомбы на цель, нанести существенный урон. А что сбили, так это уже сверх программы. Налет был первый, но не последний. Пока немцев не отбросили в декабре – январе, были еще налеты.

На новом аэродроме и район полетов другой, летчикам пришлось изучать характерные особенности местности. Что хорошо для захода на свой аэродром, так расположение. Протвино на слиянии двух рек – Оки и Протвы. Стоит, возвращаясь с боевого задания, выйти к Оке, как уже не промахнешься.

Уже утром, после бомбежки, командир звена Антонов сказал:

– Плохое место.

– Почему?

– Немцы приметили, теперь не отстанут. Будут бомбить регулярно.

Регулярно не получилось, в Московской ПВО появились ночные истребители. От обычных они отличались мощной фарой под фюзеляжем для освещения противника и прицеливания. Во фронтовых условиях и наши и немецкие самолеты летали без аэронавигационных огней, сокращенно – АНО. Тем не менее в ночном небе бомбардировщик засечь с истребителя можно, но только со стороны хвоста, по огненным выхлопам моторов. В авиации глушителей нет, они отнимают мощность, да и каких размеров и веса должен быть глушитель для мотора в тысячу, две тысячи лошадиных сил? Что наши, что немецкие моторы наддувные, у немцев еще и с механическим впрыском, дающим мощность. Топливо уже догорало в выхлопной трубе, и в ночи светился красный факел. Если в 1941 году ночными истребителями были обычные Як-1 или ЛаГГ, то немного позже появился тяжелый истребитель ПЕ-3, как вариант бомбардировщика ПЕ-2. Очень похож был на немецкий «Мессершмитт-110». Этот МЕ-110 применялся в основном на западном фронте против английских и американских бомбардировщиков, бомбящих Германию.

В полк прибыло несколько девушек после школы специалистов, бортовые стрелки в звании сержантов. Их поселили в отдельной избе, стоящей на отшибе. В полку летного состава – летчиков, штурманов, бортстрелков – немногим более полусотни, а технических специалистов и прочих около трехсот. И все мужчины, большинство из которых стали оказывать девушкам внимание, иногда назойливое.

Комиссар на построении пригрозил наказанием для тех, кого заметит возле жилья девушек.

Одну из них, хохотушку Катю, определили в экипаж Павла. Штурман расстроился.

– У моряков поверье есть, женщина на корабле – к несчастью.

– Сергей Иванович, это пережитки и суеверия прошлого, тем более у нас не флот.

– Самолет-то воздушный корабль!

И махнул рукой. Павел посмеялся над суеверием штурмана, а зря.

Уже следующим утром эскадрилья получила приказ на бомбардировку танков. Морозец градусов пять, легкий ветерок, на небе высокие перистые облака, за ними не спрячешься.

Взлетели. Перед линией фронта к эскадрилье пристроились истребители прикрытия на «яках». Истребители вселяли надежду вернуться без потерь. Авиаразведка вчера доложила, что колонна немецкой техники расположилась в Перхушково. Вылет ранний, думали успеть до выхода колонны из деревни.

У немцев жизнь по расписанию. Сначала завтрак, потом прогрев моторов, подготовка техники. Успели. Танки, бронетранспортеры, грузовики на деревенской улице, окутаны сизым дымком. Первая «пешка» комэска на боевой курс легла. И тут же в небе, по курсу самолета многочисленные разрывы снарядов. Немцы для прикрытия подразделений сосредоточили мощное зенитное прикрытия – и крупнокалиберные 88-мм пушки и малокалиберные автоматы. Первое звено сбросило бомбы удачно. Комэск по радиации приказал Павлу подавить зенитки. Павел видел, откуда ведется огонь, по трассирующим очередям. С пологого пикирования обстрелял позиции зенитчиков из курсовых пулеметов, а на выводе из пикирования сбросил две бомбы-«сотки».

Разворот с креном, во время которого увидел позицию пушки. Пикирование и сброс еще двух «соток» точно в цель. Штурвал на себя, вывод из атаки и в это время взрыв, самолет подбросило. Обернулся, а одного вертикального руля практически нет, в фюзеляже зияет дыра. По внутренней связи вызвал бортстрелка и не получил ответа. То ли тяжело ранена, то ли убита. Сбросил разом оставшиеся бомбы, чтобы облегчить самолет. Яковлев за плечо тронул:

– Командир, похоже – горим, дымом пахнет.

И в самом деле. Ощущается едкий запах горелой проводки или чего-то похожего. По радиации доложил Антонову о повреждении самолета. Дотянут ли? До линии фронта немного более ста километров, четверть часа полета. Но дотянут ли, если каждая минута длится как вечность?

Яковлев снова.

– Командир, горим, вижу пламя.

Открытый огонь на бомбардировщике это приговор машине. На истребителе иногда удалось сбить пламя крутым пикированием. На «пешке» опасно, она может из пикирования не выйти, руль поврежден. Выход один – покинуть горящий самолет. Страшно, потому что внизу оккупированная территория. Если удастся избежать плена, то пройти по немецким тылам сто километров – тяжелая задача, как и пересечь линию фронта. О ситуации доложил по радиации Антонову, потом приказал штурману:

– Покинуть машину!

И сам отстегнул привязные ремни сиденья. Штурман уже выпрыгнул, а Павел медлил. Впереди видел густой лес, ельник. Лучше приземлиться там. Перевернул самолет на левое крыло и вывалился из кабины. Помедлил с открытием парашюта, наблюдая за удаляющимся горящим самолетом. Наверняка его видят и немцы, сейчас начнут поиски экипажа. Земля стремительно приближалась. Павел рванул кольцо, легкий рывок вытяжного парашюта, потом чувствительный удар. Он поднял голову – купол расправился. Осмотрелся. Далеко позади, в нескольких километрах виден парашют Яковлева. Садится в чистое поле, слегка припорошенное снегом. Деревья надвинулись стремительно, ветки хлестнули по ногам, Павел успел прикрыть ладонями лицо. Треск веток, потом удар ногами о землю. Сразу прислушался к себе.

Нет ли боли, не сломал ли какую-нибудь кость? Вроде цел. Парашют – куполом на небольшой елке. Сначала освободился от подвесной системы, попытался сдернуть купол с дерева. После нескольких попыток это удалось. Скомкал, бросил под дерево. От места приземления успел пройти немного, метров двести, как сзади раздалось:

– Руки вверх, чтобы я их видел.

Что обрадовало, говорили на русском. Однако мог быть полицаи. Павла холодный пот пробил. Так глупо влипнуть! Медленно повернулся. В нескольких шагах молодой парень, его сверстник, в телогрейке, шапке, в руках трехлинейка. Брюки цивильные, заправлены в сапоги.

– Пистолет из кобуры вытащи, только медленно и брось.

Павел пистолет достал, мгновение помедлил. Выстрелить в незнакомца? Надо успеть передернуть затвор. Если у парня патрон уже в патроннике, можно не успеть.

– Не балуй, брось!

Бросил оружие Павел.

– А теперь пять шагов назад!

Отошел, парень поднял пистолет, сунул в карман брюк.

– А теперь шагай. Не туда, назад.

Назад, это на запад, от линии фронта. В деревню ведет, в немецкую комендатуру? Решил – как увидит немца, бросится на парня. Застрелят – так тому и быть. Лучше смерть, чем плен. Однако пришли к землянкам. Павла завели в одну из них. За столом, сбитым из жердей, сидел мужчина средних лет в советской военной форме, но без знаков отличия.

Появилась надежда выжить. На полицаи мужчина не похож.

– Документы! – сразу потребовал военный.

То, что кадровый, сомнений не вызывало – прическа короткая, выправка. Годы службы не скрыть.

– Нет, перед полетом сдал.

– Кто такой?

Павел назвал звание, фамилию, имя, отчество, номер полка и дивизии.

– Немцы сбили?

– Зенитками. Штурман вместе со мной самолет покинул, а бортстрелка, похоже, убило.

А вы кто?

– Тебе знать не положено. Считай – партизаны.

Да какие партизаны с выправкой и в военной форме? И у бойца, его задержавшего, чувствуется выучка. Команда разведчиков или диверсантов из ГРУ или НКВД, не иначе. Оружие Павлу не вернули, но и под замок не посадили. Однако выходить за периметр расположения запретили.

– Снег уже лег, следы оставишь, – коротко сказал боец.

Кормили скудно, утром чай с сухарями, в обед перловка и чай, вечером ржаной сухарь каменной плотности. А все потому что костер лишний раз разводить опасались. Если и разводили, то маленький и под лапником, чтобы дым рассеивался. С самолетов костер в лесу хорошо заметен, а немцы периодически пролетали.

Через три дня вечером командир сам к нему подошел.

– Спать не ложитесь, вас заберут.

Кто заберет, куда? Расспрашивать бесполезно, не ответит. Около полуночи затарахтел мотор. Ей-богу, учебный У-2! Откуда ему тут взяться? Но ошибки быть не должно, уж очень звук характерный! Павлу вернули пистолет, вывели из леса на опушку. Недалеко стоял У-2, позже переименованный в ПО-2, по имени конструктора Поликарпова. Летающая парта для нескольких поколений летчиков. Самолет простой, выносливый, не строгий в управлении, прощающий новичкам ошибки в пилотировании.

– Вас ждут, прощайте! – сказал командир и пожал руку.

Это здорово! Видимо, у группы есть радиостанция. Связались с командованием, решили вывезти. Опытных пилотов мало, каждый на счету! Павел побежал к самолету, взобрался во вторую кабину, пристегнул ремни, крикнул пилоту:

– Готов!

Взревел мотор, самолет начал разбег, подпрыгивая на неровностях поля. Сто метров и У-2 в воздухе. Ночью ориентиров на земле не видно. И оборудования для ночных полетов на У-2 нет.

Павел знал, что наибольшие потери в боевой авиации несут штурмовики, в среднем летчик на Ил-2 жил 8–9 вылетов, а летчики бомбардировочной авиации до тридцати. Начал мысленно считать, получалось – не дотянул. Так он еще жив и летает. Интересно, как долго живут на фронте тихоходные, без брони и вооружения, пилоты У-2? Летать ночью в сложных условиях не все способны. Подавляющее большинство летчиков, как советских, так и немецких, по ночам не летали. И причин несколько – нет оборудования на самолетах, даже элементарного – подсветки приборов. Не проходили должного обучения.

Павел увидел внизу вспышки выстрелов, услышал звуки разрывов снарядов. На «пешке» этих звуков не слышно, линию фронта проходят на больших высотах, как правило – четырех тысячах метров. А У-2 ниже, метров восемьсот. Мысли сразу переключились на другое. Как там штурман? Добрался ли до своих или попал в плен? Мельком подумал о полковом контрразведчике. Наверняка будет допрашивать. Но у Павла алиби, сразу после приземления на парашюте был задержан и содержался в разведывательной группе, откуда был вывезен на самолете. Ошибался Павел. Летчики, сбитые немцами над оккупированной территорией, после проверки военной контрразведкой продолжали воевать, таких было много. Но сразу после войны были демобилизованы. Хотя воевали честно, одерживали победы, доросли до высоких чинов и имели множество боевых наград.

Самолет сделал разворот, обороты мотора упали. Вспыхнули аэронавигационные огни. Тут же внизу вспыхнул прожектор, осветив взлетно-посадочную полосу. Самолетик приземлился, и прожектор сразу погас. Ловко! Такой аэродром трудно засечь. Самолет пробежал немного и остановился, двигатель смолк. Павел выбрался из кабины. Из передней вылез пилот. Невысокого роста, худенький. Павел хлопнул его по плечу.

– Молодец, парень!

– Я не парень, а девушка, – скривился от увесистого удара по плечу пилот.

– Прости! Я твой должник!

К самолету подъехал грузовичок-полуторка. И пилот, и Павел забрались в кузов, и вскоре машина остановилась.

– Штаб дивизии, – пояснила девушка.

Павел доложил дежурному о возвращении.

– Хорошо, утром вас отправят в полк, – пообещал дежурный.

Переночевал он на нарах в землянке техников. У них ночью самая работа. Утром на том же У-2 его перевезли в полк. В штабе уже были в курсе, что Павла вывезли.

– Рад, Игнатов, твоему возвращению, – сказал командир полка. – А что с другими членами экипажа?

– Самолет наш зенитки подбили. Поврежден был сильно, горел. Тянул, сколько мог, потом приказал покинуть машину. Бортстрелок не отозвалась и самолет не покинула. А штурман Яковлев прыгал первым, и я наблюдал приземление. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Я же после приземления сразу был задержан и содержался в нашей разведгруппе. Они по радиации вызвали на себя У-2.

– Повезло. А сейчас ступай к контрразведчику. Правила такие, не ты первый, не ты последний.

Командир пожал плечами. Разведчики всех уровней – полковые, дивизионные, армейские – за линию фронта ходили часто. Разведку вели, брали «языков». Еще и пилоты сбитых самолетов оказывались на оккупированной территории, но чаще не в составе экипажа, а поодиночке. Потому контрразведчик проявлял к возвратившимся недоверие. Допросы, отстранения от полетов. Можно подумать, пилоты по своей воле оказались за линией фронта. И таких «сбитых» были десятки тысяч. Кто-то попал в плен, были те, кто пускал себе пулю в лоб, особенно в начале войны. Но большинство или переходили линию фронта и возвращались в строй, или находили партизанские отряды и сражались в их рядах. Но полной веры им уже не было. Не продвигали по службе, не допускали к секретным или совсекретным документам, старались в ближайшее окружение информатора внедрить.

Когда Павел постучал в дверь комнаты, которую занимал капитан из военной контрразведки, тот как раз изучал личное дело Игнатова. Двадцать шесть боевых вылетов, уже второй раз сбит, ни в чем порочащем не замечен, воюет храбро, имеет награду.

– Садись, младший лейтенант, закуривай.

– Спасибо, не курю.

– Похвально. Вот тебе листки бумаги и ручка. Подробно, с указанием дат, времени, координат, опиши, что произошло.

Павел писал медленно, долго, припоминая все подробности. Даты четко помнил, время приблизительно. Кто в бою постоянно на часы смотрит? Капитан прочел.

– Значит, по-твоему, бортстрелок погибла?

– Конечно, она же не покинула самолет. А он при падении взорвался, уцелеть невозможно.

Были еще вопросы по Яковлеву. Далеко ли от Павла приземлился, не был ли ранен?

– А кто командир разведгруппы?

– Не могу знать, он не представлялся. Думаю – по его рации, по позывным узнать можно.

– Учить хочешь?

– Никак нет!

– Ладно, пока свободен!

– Есть, – вскочил Павел.

Несколько дней чувствовал себя не в своей тарелке. Идет боевая работа, взлетают и садятся бомбардировщики. И ему хочется летать, а не на чем. Даже техник, механики, закрепленные за его «пешкой», нашли себе работу, перебирали агрегаты, требующие ремонта. Из двух-трех собирали один. И таких, как Павел, в полку собрался десяток, «безлошадных» летчиков. По приказу командования через неделю все «безлошадные» были откомандированы «дугласом» под Астрахань, в запасной авиаполк. Полк тыловой, потому питание по тыловым меркам, скудноватое. Что Павла напрягало, так чувство второсортности. Пилоты, прилетевшие с ним на «дугласе», уже все убыли в боевые части. Из прибывших тем самолетом он остался один. Понял, конечно, откуда ветер дует, сделал контрразведчик в личном деле отметку о пребывании на оккупированной территории. «Покупатели» из авиаполков, как называли представителей авиачастей, предварительно просматривали личные дела. Кому охота брать летчика с пятном? Не мог знать Павел, что уже после войны появятся анкеты, где отдельным пунктом будет – «Находился ли на оккупированной противником территории?». Под противником понимались все воевавшие против СССР страны – Финляндия, Германия, Венгрия, Румыния, Болгария, Италия, Япония.

Месяц, почти до середины декабря Павел провел в запасном полку. Все же нашелся «покупатель», которому были нужны опытные боевые летчики. Павел был рад покинуть запасной авиаполк. В другое время, не имея отметки в личном деле, был бы рад отдыху. За пять месяцев боев, постоянно подвергаясь смертельной опасности, теряя соратников, физически и морально устал.

В полку никого знакомых, да еще попал в разведывательное звено. Самолет знакомый, ПЕ-2, но в варианте разведчика. В бомболуке установлен фотоаппарат, довольно большой, широкоплечный, с солидным объективом. После разговора со штурманом из экипажа Павел понял, что попал как «кур в ошип». В полетах много особенностей. При дневной фотосъемке самолет надо вести, точно выдерживая курс, даже если по тебе стреляют зенитки или истребители. Но хуже ночная съемка. Нужно сбросить фотобомбу, которая срабатывает в воздухе, давая яркий свет в течение нескольких секунд. И надо точно в это время сделать серию снимков, когда местность внизу ярко освещена, как при вспышке молнии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.